ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
Н.Л. Захаров
ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Николай Львович Захаров

Организационное поведение государственных служащих: учебное пособие

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=321182
Организационное поведение государственных служащих: Учеб. пособие.: ИНФРА-М; Москва; 2009
ISBN 978-5-16-003445-4

Аннотация

В учебном пособии дана подробная характеристика организационного поведения государственных служащих. Рассмотрены социальные регуляторы, сложившиеся в российском социуме. Показано влияние этих регуляторов на деятельность государственных служащих, рассмотрены основы российской социальной системы, регуляторы поведения российского госслужащего, этические основы социума в России, мотивационная модель госслужащего и др.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом.

Для студентов вузов, обучающихся по управленческим специальностям и направлению, изучающих дисциплину «Организационное поведение», специалистов, ученых, государственных и муниципальных служащих.

Содержание

Введение 4
Раздел 1 9
Тема 1 10
Контрольные вопросы 22
Тема 2 23
Контрольные вопросы 32
Тема 3 34
Контрольные вопросы 40
Раздел 2 41
Тема 4 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Николай Львович Захаров Организационное поведение государственных служащих

Введение

Вместе со сменой календарной эры, приходом третьего тысячелетия человечество вступило в новую эпоху, связанную с глобальными изменениями в экономике, политике, культуре. Масштабные социальные изменения, протекающие в России, оказывают противоречивое влияние на состояние общества. Меняется характер отношений собственности, разрушена тоталитарная идеология, российское общество стало более открытым к принятию нравственных ценностей, политического опыта, технологических инноваций других культур. Однако переход к открытому обществу и его усложнение сопровождаются такими дезинтегративными явлениями, как несогласованность и противоречивость целей общества и отдельных индивидов; противостояние различных социальных групп и общественных сил.

Преодоление дезинтеграции в различные исторические периоды в нашей стране неоднократно принимало форму противоборства, результатом которого являлась «победа» одной из социальных сил, монополизирующей власть. Однако возможен и другой путь преодоления дезинтеграции – согласование социальных интересов, целей, действий отдельных индивидов, социальных групп и всего общества.

Социальным институтом, обеспечивающим реализацию функции согласования целей индивидов и общества, является государство. Именно государство обеспечивает степень открытости общества внешнему миру, прием новых социальных ценностей и целевых установок. Государственные служащие, которые должны профессионально обеспечивать функционирование государства, первыми сталкиваются с необходимостью освоения этих ценностей и целей, встречаются с ними, когда еще только формируется механизм их интеграции в общество. В этом состоит общая причина социальных отклонений в деятельности государственных служащих. Природу этих отклонений и способы их преодоления можно понять, анализируя специфику организационного поведения государственных служащих.

Особым научным полем в настоящее время становится проблема исследования системных координат социума, задающих ориентиры организационного поведения индивидам, работающим в сфере государственной службы. Стержнем данной проблемы является исследование организационного поведения государственных служащих, которое одновременно обусловлено требованиями профессии и социокультурными особенностями.

Специфические подходы к изучению данной проблемы содержатся в ряде наук. Между тем ее целостное понимание основано на социологическом подходе как междисциплинарном, способном синтезировать политологическое, экономическое, психологическое, культурологическое и другие знания. Именно в этом ракурсе важно описать специфику организационного поведения государственных служащих, оказывающих управленческое воздействие на общество в целом.

В этой связи объектом описания данной книги является организационное поведение российского индивида в профессиональной сфере государственной службы, а предмет характеризует особенности регуляторов организационного поведения государственных служащих Российской Федерации, систему их функционирования, а также противоречия, возникающие в результате рассогласования их влияния на деятельность государственного служащего.

Специфика предмета исследования состоит в том, что организационное поведение государственного служащего, с одной стороны, находится под влиянием правового поля как требования профессии, а с другой стороны, действия государственного служащего как представителя определенной социокультурной общности обусловлены традиционными для этой общности регуляторами.

Автором выдвинута гипотеза: стихийное влияние социальных регуляторов (профессиональных и традиционных) может вызывать девиантные действия государственных служащих. Однако согласованное влияние регуляторов создает условия для социальной самоактуализации российского чиновника. В этой связи необходимо в комплексе исследовать функционирование этих регуляторов. Основными регуляторами организационного поведения, функционирующими как долговременные параметры порядка, являются организационный, поведенческий и этический. *Организационный* регулятор – сложившаяся структура взаимоотношений между индивидами. Российские индивиды ориентированы создавать иерархическую структуру взаимодействия, что соответствует организации взаимодействия государственных служащих. *Поведенческий* регулятор – типичный способ поведения, сложившийся в социокультурной общности, который служит ориентиром и настройкой для индивидов этой общности. Поведенческий регулятор социального действия российского индивида вступает в противоречие с требованиями профессии, предъявляемыми к поведению государственного служащего Российской Федерации, следствием чего является аномийное поведение чиновников. Согласование требований профессии и поведенческого регулятора достигается под влиянием этического регулятора. *Этический* регулятор действует как стройная система норм и ценностей, задающая структуру социальной значимости потребностей индивидов и определяющая для них социально приемлемый способ самоактуализации, тем самым обеспечивая согласование целей человека и общества. В современном российском обществе этический регулятор не сложился как система, что способствует возникновению аномии, для преодоления которой требуется создание стройной этической системы, согласующей цели человека и общества. При согласованном функционировании организационного, поведенческого и этического регуляторов создаются условия для социально значимой самоактуализации индивидов. Способом самоактуализации российского государственного служащего является «служение» («служебная преданность»).

Сформулированная гипотеза находит свое подтверждение в концепции системы регуляторов организационного поведения российских государственных служащих как теоретико-социологического обоснованного механизма социального управления деятельностью государственных служащих.

Разработанная автором концепция регуляторов организационного поведения опирается на многолетние эмпирические исследования, анализ наблюдений, официальной статистики на федеральном и региональном уровне. В частности, были использованы следующие материалы и исследования.

I. *Материалы прикладных социологических исследований, в которых автор выступал в качестве научного руководителя или непосредственного участника*

1. «Параметры качества трудовой жизни организаций Санкт-Петербурга». Исследование включает в себя стандартизированный сплошной опрос работников трех предприятий (опрошено не менее 89 % работников этих предприятий, выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию, должности), анализ документов служб персонала этих организаций и сводный анализ. Исследование проведено кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (февраль – март 2005 г.; руководители – д-р социол. наук, проф. Н. Л. Захаров, М. Б. Перфильева). Индекс КТЖ-05.

2. «Социальный паспорт организаций Санкт-Петербурга». Стандартизированный экспертный опрос и анализ данных проведен кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (руководители – д-р социол. наук, проф. Н. Л. Захаров, М. Б. Перфильева). Опрошено 28 экспертов – руководителей служб персонала Санкт-Петербурга. Выборка репрезентативна по роду деятельности (декабрь 2004 г., Санкт-Петербург). Индекс СП-05.

3. «Типология организаций на основе комплекса характеристик, состоящих из шести параметров организационных условий: размера, сферы деятельности, характеристик товара-услуги, маркетинговой стратегии, особенностей целевой аудитории и финансово-экономических показателей». Исследование включает в себя стандартизированный сплошной опрос работников девяти предприятий (опрошено не менее 86 % работников этих предприятий, выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию, должности), анализ документов служб персонала этих организаций и сводный анализ, анкетный опрос и анализ полученных данных. Исследование проведено кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (март – апрель 2005 г.; руководители – д-р социол. наук, проф. Н. Л. Захаров, Е. П. Померанцева). Индекс ТОКО05.

4. «Факторы и стимулы эффективного и качественного труда персонала предприятий». Стандартизированный экспертный опрос и анализ данных проведен кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (руководитель – д-р социол. наук, проф. Н. Л. Захаров). Опрошено 32 эксперта – руководители и представители администрации трех предприятий. Выборка репрезентативна по роду деятельности (январь – март 2005 г., Санкт-Петербург). Индекс АС-05.

5. «Востребованность выпускников вузов на рынке труда Санкт-Петербурга». Стандартизированный экспертный опрос и анализ данных проведен кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (руководитель – д-р социол. наук, проф. Н. Л. Захаров). Опрошено 118 экспертов – руководителей рекрутинговых агентств и служб персонала Санкт-Петербурга. Выборка репрезентативна по роду деятельности (декабрь 2004 г., Санкт-Петербург).

Индекс РТП-04.

6. «Система мотивации и деловых коммуникаций кондитерской компании «Любимый Край»». Стандартизированный экспертный опрос и анализ данных проведен кафедрой управления персоналом РГПУ им. А. И. Герцена (руководитель – М. Б. Перфильева). Опрошено 63 эксперта – руководители и представители администрации компании «Любимый Край» Санкт-Петербурга. Выборка репрезентативна по роду деятельности (август – октябрь 2003 г., Санкт-Петербург). Индекс ЛК-03.

7. «Социологическая характеристика профессиональных, деловых качеств и моральных ориентиров корпуса главных должностных лиц государственной службы Удмуртской Республики». Стандартизированное экспертное интервью высших и главных должностных лиц Удмуртской Республики проведено Удмуртским институтом государственной и муниципальной службы (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров). Опрошено 48 экспертов – должностных лиц (ноябрь 2001 г., г. Ижевск). Индекс ПДМ-01.

8. «Становление и перспективы развития социального партнерства». Экспертный опрос кафедры «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководитель – д-р социол. наук К. О. Магомедов). Опрошено 82 эксперта (апрель 2001 г., Москва). Индекс СПР-01.

9. «Оценка состояния теоретических основ государственной кадровой политики и формирования кадрового корпуса государственных служащих в федеральных органах исполнительной власти». Социологический опрос населения, государственных служащих и экспертов проведен кафедрой «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководитель – д-р социол. наук, проф. А. И. Турчинов). Опрошено: населения – 1434 чел., государствен-

ных служащих – 1183 чел., экспертов – 90 чел. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и роду деятельности (март 2001 г., Москва). Индекс ГКПИВ-01.

10. «Система идеалов и норм государственных и муниципальных служащих Удмуртии». Экспертный опрос управляющих делами, руководителей кадровых служб муниципальных администраций и республиканских государственных органов Удмуртской Республики проведен Удмуртским институтом государственной и муниципальной службы (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров). Опрошено 112 экспертов (февраль 2001 г., г. Ижевск). Индекс ИНГ-01.

11. «Мотивы к труду, настроения и аномийные формы поведения работников предприятий». Социологическое исследование по программе автора (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров), состоящее из трех этапов: вторичный анализ материалов социологического исследования «Мотивация труда работников промышленных предприятий Удмуртии»; фокус-группа, структура которой пропорциональна типам предприятий и возрасту работников (количество участников – 29 чел.); социальный эксперимент, проведенный на трех предприятиях (1998–2000 гг., г. Ижевск). Индекс МА-00.

12. «Ценностные ориентации и регулятивные нормы жителей Удмуртии». Социологический опрос проведен по программе автора (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров). Опрошено 1113 респондентов. Выборка репрезентативна по полу и возрасту (ноябрь 1999 г., г. Ижевск). Индекс ЦНЖ-99.

13. «Мотивация труда работников промышленных предприятий Удмуртии». Социологический опрос проведен Институтом экономики, финансов и управления Ижевского государственного технического университета (руководители – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров; канд. экон. наук, доц. А. Л. Кузнецов). Опрошено 1017 работников предприятий Удмуртии. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и роду деятельности (октябрь 1998 г., г. Ижевск). Индекс МРП-98.

14. «Российский характер в представлении иностранцев». Контент-анализ высказываний иностранцев проведен по программе автора (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров). Зафиксировано 3139 высказываний в публикациях периодической печати (69 изданий, включающих 48 изданий центральной прессы, в том числе «Коммерсант», «Эксперт», «Профиль» и др., и 21 региональное издание, 1997–1998 гг., г. Ижевск). Индекс РХИ-98.

15. «Исследование состояния малого предпринимательства в России (на примере Удмуртской Республики)» – проект *TACIS SME/9303.* Социологическое исследование «Школы бизнеса» ИжГТУ (руководители: канд. филос. наук, доц. Н. Л. Захаров, канд. экон. наук А. П. Чувыгин), состоящее из трех этапов: пилотажное экспертное интервью с 20 экспертами (государственными и муниципальными служащими, взаимодействующими по служебным обязанностям с малым бизнесом); анализ документов о состоянии проблем малого бизнеса в Удмуртии; опрос руководителей малых предприятий. Опрошено 153 респондента, выборка репрезентативна по видам деятельности (1995 г., г. Ижевск). Индекс *TACIS-95.*

II. *Социологические исследования, использованные для вторичного анализа*

1. «Мотивационно-ценностная структура трудовых коллективов организаций Санкт-Петербурга». Исследование включает в себя стандартизированный сплошной опрос работников девяти предприятий (опрошено не менее 89 % работников этих предприятий, выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию, должности), анализ документов служб персонала этих организаций и сводный анализ. Инициативное исследование (январь – февраль 2005 г.; руководитель – Е. П. Померанцева). Индекс МТЖЦ-05.

2. «Нравственные основы государственной службы». Социологическое исследование кафедры «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководители – д-р социол.

наук, проф. Е. В. Охотский, д-р филос. наук, проф. В. М. Соколов). Опрошено 1211 жителей 14 регионов России, 1145 государственных служащих и 48 экспертов, представляющих 12 федеральных органов государственной власти и 14 субъектов РФ. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, стажу работы и занимаемой должности (октябрь – ноябрь 1997 г., Москва). Индекс НО-97.

3. «Карьерная стратегия и служебная тактика в системе государственной службы». Социологическое исследование кафедры «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководитель – проф. В. Л. Романов). Опрошено 952 респондента (740 государственных служащих и 212 экспертов) в восьми российских министерствах и ведомствах, законодательных органах и семи регионах РФ. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и занимаемой должности (сентябрь – октябрь 1996 г., Москва). Индекс КС-96.

4. «Кадровые проблемы государственных учреждений в оценке руководителей кадровых служб федеральных ведомств». Экспертный опрос кафедры «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководитель – д-р социол. наук, проф. Е. В. Охотский). Опрошено 52 руководителя кадровых служб федеральных министерств и ведомств (февраль – март 1997 г., Москва). Индекс КАДР-97.

5. «Государственная служба и государственные служащие глазами населения» (руководитель – канд. филос. наук, доц. К. О. Магомедов). Опрошено 1254 человека в 12 регионах России. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, стажу работы и занимаемой должности (сентябрь – октябрь 1999 г., Москва). Индекс ГСГН-99.

6. «Организационная культура государственной службы». Социологическое исследование кафедры «Государственная служба и кадровая политика» РАГС (руководитель – проф. В. Л. Романов). Опрошено 1250 государственных служащих в 11 федеральных министерствах, ведомствах, законодательных и судебных органах государственной власти в 12 регионах РФ. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и занимаемой должности.

Автор выражает благодарность и признательность всем, кто помогал собрать и организовать материал этой книги, давал дружественные советы и оказывал поддержку – рецензентам А. Я. Кибанову, завкафедрой управления персоналом ГУУ, проф. Ю. Д. Красовскому; А. И. Турчинову – завкафедрой государственной службы и кадровой политики и проректору по учебной работе РАГС при Президенте РФ; а также Г. А. Бордовскому, ректору; В. В. Лаптеву, проректору по научной работе – РГПУ им. А. И. Герцена; В. И. Сигову, декану факультета экономики труда и управления персоналом СПбГУЭФ; В. К. Потемкину, завкафедрой социологии и управления персоналом СПбГУЭФ; коллегам, – Б. Т. Пономаренко, В. Л. Романову, А. В. Воронцову, В. Г. Смолькову, К. А. Магомедову, И. В. Савину, В. В. Тумалеву, В. Л. Василенку, Т. С. Бендюковой, А. Ф. Борисову, А. А. Лактионову, А. В. Чечулину, М. Б. Перфильевой; студентам – О. Гадаловой, Д. Захарову, А. Деревцову, Е. Евдокимовой, Д. Хехериной, Ю. Булановой, В. Фролову и др.; надежным помощникам во всех начинаниях – Ю. В. Громовой и Ю. А. Петруня, а также всем коллегам, кто своей отзывчивостью и доброжелательностью создал настрой для подготовки этой книги.

Раздел 1
Система регуляторов организационного поведения

При описании социальных проблем необходимо определить исходное понятие. В данном случае в этом качестве будет использоваться «социальное действие» – фундаментальное понятие социологии, введенное М. Вебером, который, оценивая задачу и роль социологии, утверждал, что «социология… есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»[1].

Современная социология столь же высоко оценивает значение понятия «социальное действие» и рассматривает его как простейшую, начальную единицу социальной деятельности. Исходя из этого, сформулируем самое общее, первоначальное определение: **социальное действие** есть единое социальное основание, которое задает индивидам способы их ориентации в обществе и действует как своеобразная общая система социальных координат. Именно **социальное действие – первоначальная клеточка организационного поведения.**

Системный подход позволяет рассмотреть социальное действие как систему, характеризуемую долговременными параметрами порядка, обеспечивающими самоорганизацию индивидов при взаимодействии в условиях социально ориентированной деятельности, т. е. как организационное поведение. Эти социальные параметры порядка обеспечивают достижение устойчивости и изменчивость процессов деятельности индивидов и отдельных сообществ.

[1] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 603.

Тема 1
Социальное действие как «Клеточка» организационного поведения

К началу XXI в. в мире произошли глубокие изменения, обусловленные динамичными процессами в экономике, политике, культуре. Не являлась исключением и Россия, переживавшая в последнем десятилетии XX в. радикальную социально-экономическую трансформацию. Сегодня российское общество становится все более открытым к принятию новых нравственных ценностей, политических форм, технологических инноваций других культур. Открытость нашего общества наряду с положительными результатами принесла и негативные последствия, которые проявились в дезинтеграции общества: многочисленные политические и социальные конфликты, затяжной экономический кризис, рост социального напряжения.

Дезинтеграция на протяжении веков не раз преодолевалась в борьбе, результатом которой являлась победа одной из социальных «сил». Победа всегда предполагала один из двух вариантов. В одном случае одержавшая верх «сила» принуждала российское общество принять новые социальные ценности и тем самым осуществляла насильственную его инновацию. В другом – победители отвергали новые ценности и насильно консервировали общество, закрывая его от внешнего влияния. В 90-е гг. XX в. следствием противостояния сил, как и прежде, стала борьба, которая может возвратить историю на круги своя. Вместе с тем общество имеет и другую возможность. Состоит она в преодолении дезинтеграции не через борьбу, а с помощью социальной рефлексии. Это принципиально иной путь преодоления социально-экономического кризиса. От социальной рефлексии в данном случае требуется найти пути практического согласования инновационного и традиционного, а также разработать теоретическую основу интеграции общественных сил как новаторских, так и консервативных. С этим связана актуальная проблема, стоящая перед социологией как одним из инструментов социальной рефлексии, – исследование механизмов согласования старого и нового в социальной деятельности человека.

Социальная рефлексия начинается с познания обществом своих основ. Античный мыслитель Архимед утверждал, что если ему дадут точку опоры, то он перевернет весь мир. Для социальной действительности такой опорой и основой может служить та исходная точка, оттолкнувшись от которой можно начать позитивные изменения (к гуманистическим идеалам и ценностям на основе реформирования общества, создания эффективно действующих структур – экономики, государства, гражданского общества и т. п.). Однако движение к цели и ее достижение возможны только в том случае, если определена эта исходная точка. Ее отсутствие приводит к «пробуксовке» всего механизма социального движения.

Самое общее понимание основы формулируется как неизменность состояния, несмотря на изменение условий существования или системы координат[2]. Поэтому и социальная основа должна предполагать неизменность некоего социального феномена вне зависимости от влияния на него тех или иных факторов и параметров. Однако вряд ли найдется какое-либо социальное явление, соответствующее такой дефиниции: социальные феномены обладают высокой изменчивостью, пластичностью, на смену одним социальным явлениям

[2] См.: *Давыдов Ю.Н.* Действие социальное // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998. – С. 114; *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология. В 3 т. – М., 2000. Т. 1. – С. 87; Т. 3. – С. 380.

приходят другие. Тем не менее, и в этом постоянном потоке социальной изменчивости важно определить основы, регулирующие жизнь и деятельность человека и общества[3].

Социология как «наука об общих и специфических законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социетальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов»[4], изучающая процессы в реальном обществе в их статике и динамике, выработала важнейший концепт, способный служить ключом, необходимым для исследования основ, регулирующих поведение человека, его способов выбора между новым и старым. Таким понятием, послужившим ключевым основанием для теории, является понятие «социальное действие». Теория социального действия, являющаяся уже более века важнейшим методологическим инструментом социологии, имеет своей целью объяснение мотивов и способов ориентации человека в социальной среде, а в нашем случае – в среде определенной организации.

Понятие «социальное действие», как уже упоминалось, было введено М. Вебером для обозначения действия индивида, сознательно ориентированного на поведение других людей. Современные исследования подтверждают, что социальное действие индивида действительно основано на ожидании того, что и другие индивиды будут также сознательно ориентированы. Существуют два основных этапа развития теории социального действия, которые отличаются друг от друга методологическими принципами.

Первый этап. Основателями социологии в конце XIX в. был разработан классический подход, построенный на принципе объяснения «социального из социального», методологической базой которого явилась веберовская теория идеальных типов.

Второй этап. Невозможность объяснить социальные феномены исходя из классического подхода (теория идеальных типов) приводит к выработке методологии, построенной на стремлении придать социальному особый статус и позволяющей исследовать объект не только в плоскости однонаправленной детерминации, но и во всем многообразии его взаимосвязей. Данный подход вытекает из классического социологического объяснения «социального из социального». При этом «социальное» рассматривается с точки зрения целостности, структуры, функции, взаимосвязи, т. е. как система. Второй этап, начало которого относится к середине XX в., характеризуется использованием системной методологии.

Рассмотрим подробнее выделенные этапы, отметив опорные методологические константы.

Первый этап – становление классической методологии, основанной на исследовательском принципе «объяснять социальное из социального», обусловлен теорией «идеальных типов». Исходным понятием классической теории явилось понятие социального действия, под которым понимаются действия индивида, направленные, с одной стороны, его мотивационными особенностями, а с другой стороны, нормативно-ценностной ориентацией на действия других индивидов, т. е. действия, ориентированные на поведение других людей.

М. Вебер выделял следующие типы действий: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное. Целерациональное действие характеризуется осознанным выбором цели, рациональным соотнесением цели и средств. Ценностно-рациональное действие определяется сознательным выбором и стремлением к идеалам добра, красоты, справедливости (т. е. этическими, эстетическими, религиозными и другими ценностями).

Традиционное действие основано на привычке, стереотипе, ритуале. Аффективное действие обусловлено эмоциональным влечением (например, любовная страсть, ненависть,

---

[3] См.: Основа // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – 5-е изд. (2 CD). – М., 2001.

[4] *Ромашов О.В.* Социология труда. – М., 1999. – С. 7.

гнев, страх, энтузиазм и т. п.). Целерациональные и ценностно-рациональные действия определяются осознаваемыми мотивами – целями или ценностями. Поскольку аффективное и традиционное действия находятся «на границе» осмысленной, сознательной ориентации индивида в обществе, невозможно рассматривать их как социальные действия и считать предметом изучения социологии[5].

Формулируя концепцию типов действия, М. Вебер отмечал, что описанные им действия суть абстракции, которые в реальности не встречаются, так как в действиях индивида всегда присутствует пересечение всех отмеченных типов. Однако такая абстракция вполне обоснована, если возникает в результате исследования эмпирических фактов и их сравнительного анализа как идеальный тип исследуемой социальной реальности. Идеальные типы предполагают заведомое упрощение сложности и многообразия социальных явлений, их идеализацию. Такая идеализация необходима социологу в целях систематизации анализируемого эмпирического материала и дальнейшего его сопоставления и изучения[6].

Теория идеальных типов является средством научного познания, выполняя роль логической конструкции для обработки эмпирических данных. Чтобы стать надежным инструментом исследователя, идеальный тип должен, во-первых, соответствовать существующим научным фактам; во-вторых, быть логически непротиворечивым. При этом идеальный тип как логическая конструкция отражает и целостность явления, и уникальность, своеобразие элементов структуры этого явления.

Теория идеальных типов учитывает недостатки как абстрактно-умозрительного, так и эмпирического (привязанного к усредненным значениям) подхода, в которых утрачивается целостность объекта изучения. Таким образом, данная теория оказывается одной из первых попыток стать промежуточной[7] концепцией, связывающей эмпирию и абстрактные теории (эмпирическую социологию и социальную философию), а также анализировать социальные объекты целостно, в их внутренней взаимосвязи.

Особенность теории «идеальных типов социального действия» состоит в том, что предметом социологии стало только рационально ориентированное действие человека как причина, влияющая на все прочие социальные явления. Такой подход отличен от взглядов Г. Лебона[8], Г. Тарда[9] (рассматривающих социальное действие как следствие психологических феноменов), К. Маркса и Ф. Энгельса (для которых социальное действие было следствием экономических отношений)[10], Э. Дюркгейма[11] (полагавшего причиной объективную социальную реальность, оказывающую влияние на действия человека). Постановка проблемы «социального действия» и попытка ее разрешения инструментарием, который имелся в арсенале науки того времени, интересна, однако методологический подход, предложенный М. Вебером, предписывает и описывает явления, оставляя за пределами изучения факты психического, экономического и другого порядка, не объясняя их (такова точка зрения С. Московичи, с которой автор солидарен)[12].

Второй этап характеризуется становлением системной социологической парадигмы. Системный анализ, прежде чем стать методологией социальных наук, первоначально сло-

---

[5] См.: *Вебер М.* Указ. соч. – М., 1990. – С. 628–638.

[6] Там же. С. 495–497.

[7] На необходимость такой «промежуточной» теории в дальнейшем указывал Р. Мертон, охарактеризовав систему своих научных изысканий как «теорию среднего уровня» *(Merton R.* Consensus and Controversy. L. – N.Y., 1991).

[8] См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб., 1995.

[9] См.: *Тард Г.* Социальная логика. – СПб., 1996.

[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. – С. 8—20; Т. 13. – С. 496; Т. 21. – С. 282–291; Т. 20. – С. 16–32, 267–296.

[11] См.: *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.

[12] См.: *Московичи С.* Машина, творящая богов. – М., 1998. – С. 42.

жился в русле естественнонаучных дисциплин, которые первыми столкнулись с проблемой ограниченности детерминистической интерпретации явлений.

Длительное время господствующий в науке детерминистический подход не мог объяснить функционирование сложных целостных объектов, а поэтому требовались иные методологические решения. Ответом на это научное требование явилась методология системного анализа, основы которой были заложены А. А. Богдановым в начале XX в. при разработке теории общеорганизационной науки, названной им тектологией[13]. В 50-е гг. Л. фон Берталанфи разработал «принципы системного подхода»[14], а Н. Винер – кибернетику как теорию управления и переработки информации[15].

Системная парадигма в социологии исторически наследует традицию социологической классики. Здесь прослеживается стремление рассматривать общество как целостность, структуру и способ взаимосвязей между элементами исходя из принципа социального действия. Системный подход принят во многих науках, изучающих организационные общности, и он «стремится не просто описывать или предписывать, а, прежде всего, понять и охарактеризовать действия объекта, в том числе ожидаемые действия»[16]. Основополагающая задача – изучение поведения объекта. «Системный подход главное внимание сосредоточивает на изучении поведения объекта. Главный вопрос здесь – не «что это такое?» а «что оно делает?»[17]. Описание поведения объекта становится возможным через понимание того, как объект устроен и как он взаимодействует с другими объектами.

Особенность системного подхода как общенаучной методологии заключается, во-первых, в стремлении изучать объект как целостность, во-вторых, система и среда не абстрагируются одна от другой, а рассматриваются в единстве, в-третьих, самоорганизующаяся система обладает способностью к «целеполаганию». Такое представление является альтернативой и в определенном смысле противоположностью длительное время используемому детерминистическому подходу.

Детерминизм – принцип теории познания, который был ведущим в общественных науках вплоть до конца XIX в. Его особенность состоит в гносеологической установке, что любой объект детерминирован свойственным только ему определенным ключевым фактором (исходной причиной), поэтому и познание объекта должно строиться на выявлении этого исходного, ключевого фактора. Такой подход ограничен, так как областью его применения является исследование простых объектов или простых систем, построенных на причинно-следственной связи, систем, в которых только один фактор является определяющим.

При исследовании объекта, являющегося сложной системой, ученые убеждаются в ограниченных возможностях использования детерминизма. Дело в том, что в сложных системах привычные причинно-следственные связи теряют свою всеобщность, а проблема первичности превращается в схоластические рассуждения. Продолжительное время наука «занималась главным образом исследованием проблем с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае задач с несколькими переменными. Однако множество проблем, возникающих в биологии и социальных науках, по существу, являются проблемами со многими переменными и требуют для своего решения новых понятийных средств»[18].

---

[13] Тектология – от греч. *tekto* – строение, организация, + логия – от греч. наука, учение *(Богданов А.А.* Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. – М., 1989).

[14] См.: *Берталанфи фон Л.* Общая теория систем: критический обзор // Исследование по общей теории систем. – М., 1969.

[15] См.: *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983. – С. 57.

[16] См.: *Берталанфи фон Л.* Указ. соч. – С. 21.

[17] Там же. С. 13.

[18] *Берталанфи фон Л.* Указ. соч. – С. 25–26.

В сложных системах ни «производственные отношения», ни «либидо», ни «коллективное бессознательное», ни какой бы то ни было иной «ключевой фактор» не может претендовать на абсолютно определяющую роль. Здесь вступают в силу другие закономерности, связанные с особенностью объекта исследования. На это обращает внимание Р. Эшби: «достоинство кибернетики [разновидности системного подхода] состоит в методе исследования сложных систем, ибо при изучении простых систем кибернетика не имеет преимуществ»[19].

Анализируя поведение объекта, можно сделать вывод, что системный подход не предполагает абстрагирование объекта от внешней среды, внешнего мира, напротив, он предусматривает, что объект взаимодействует и обменивается веществом и энергией (одним словом, ресурсами) со средой, которую он изменяет. При этом он изменяет и самого себя. Характер взаимодействия «система – среда» определяется целеполаганием системы, уровнем ее активности и устойчивости.

Целеполагающей деятельностью может быть охарактеризовано стремление системы, существующей или в меняющихся, или в постоянных условиях среды, выполнять определенный образ действий, который обеспечивает адаптацию (устойчивость) системы к среде. Стремление к устойчивости (гомеостазису[20]) является наглядным примером проявления целеполагания самоорганизующейся системы. Особый аспект системного анализа при рассмотрении «живых» организмов, организаций состоит в принятии идеи целеполагания. «Если мы посмотрим на живой организм, то можем наблюдать удивительный порядок, организацию, постоянство в непрерывном изменении, регулирование и явную телеологию. В. механистическом мировоззрении. они рассматривались как иллюзорные или метафизические. оказались вне законной области науки»[21].

Системная методология в процессе становления столкнулась с рядом проблем. Главными из них оказались проблемы системной открытости-закрытости, порядка-хаоса, самоорганизации и саморегуляции. Для их решения ученым потребовалось критически проанализировать принципы системного подхода, на основании чего и возникла первоначально концепция «диссипативных» (неравновесных) систем, разработанная в 60—70-е гг. XX в. брюссельской школой (Г. Николис, И. Р. Пригожин, И. Стенгерс)[22]. Вслед за этим Г. Хакеном были заложены основы теории самоорганизации и введено в 1973 г. в научный оборот понятие «синергетика»[23](табл. 1).

Таблица 1
Системная парадигма в науке

[19] *Эшби Р.* Введение в кибернетику. – М., 1959. – С. 18.

[20] Гомеостазис (от греч. *homoios* – подобный, одинаковый и *stasis* – неподвижность) – относительное динамическое постоянство состава и свойств внутренней среды и устойчивость основных функций организма.

[21] *Берталанфи фон Л.* Указ. соч. – С. 25.

[22] См.: *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложности. – М., 1990; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М., 1986.; *Пригожин И.Р.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М., 1985; *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах. – М., 1979; *Пригожин И.Р.* Неравновесная статистическая механика. – М., 1964.

[23] Синергетика – от греч. *sin* – со-, совместно и *ergos* – действие *(Хакен Г.* Синергетика. – М., 1980).

Проблема	*Научное решение*	*Методология*	*Авторы*	*Время*
Детерминистический подход не объясняет функционирования сложных целостностей	Системная методология	Тектология	А.А. Богданов	Начало XX в.
		Теория систем	Л. фон Берталанфи	40–50-е гг. XX в.
		Кибернетика	Н. Винер	40–50-е гг. XX в.
Проблема порядка-хаоса	Методология открытости, самоорганизации	Теория диссипативных систем	Брюссельская школа (И. Пригожин и др.)	60–70-е гг. XX в.
		Синергетика	Г. Хакен	70-е гг. XX в.

Работы представителей брюссельской школы и Г. Хакена послужили основой нового направления в исследовании систем как систем, существующих за счет постоянного обмена со средой, как неустойчивых (диссипативных) самоорганизующихся комплексов. Неустойчивые системы в процессе взаимообмена со средой не находятся в состоянии равновесия. Напротив, такая система упорядочена и хаотична одновременно. Хаос обеспечивает накопление мутационных изменений, которые представляют собой набор возможностей. Достигнув предела накопления возможностей (который задан организационными характеристиками), система оказывается в состоянии бифуркации[24]. И. Р. Пригожин на основе анализа процессов, происходящих в сложных органических молекулах, описал механизм бифуркации, смены одного состояния другим. Такой переход из одного состояния в другое и предопределен, и неожидан. Переход предопределен набором возможных мутаций, накопленных системой. Поэтому с необходимостью реализуются только заложенные возможности (точнее, некоторые из них). То, чего нет в системе, не может в ней проявиться. Вместе с тем такой переход и неожидан, так как реализация той или иной возможности случайна.

Системная методология исследования социального действия нашла свое воплощение во второй половине XX в. в работах зарубежных социологов, представлявших структурно-функциональное направление (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман), которые, опираясь на классический фундамент, заложенный в XIX в. М. Вебером, синтезировали ряд социологических традиций.

Основательная разработка теории социального действия принадлежит Т. Парсонсу[25], который внес кардинальные изменения в содержание отправных понятий веберовской концепции, дополнив ее общей теорией социального поведения. Согласно этой теории социальное действие определяется не только сознательными целями индивида, но и объективными факторами, которые влияют на возникновение сознательного целеполагания. К таким объ-

[24] Бифуркация (от англ. *fork* – вилка) – неустойчивая система, которая имеет свои пороговые величины, характеризующие ее фундаментальные свойства. При количественном достижении критического (порогового) значения происходит качественный скачок – точка разветвления эволюционной линии. Это и есть бифуркация *(Николис Г., Пригожин И.* Познание сложности. – М., 1990).

[25] См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М., 1997; *Parsons T.* Social system and the evolution of action theory. – N.Y. – L., 1977.

ективным факторам можно отнести социальные институты, образцы культуры, обязывающие человека подчиняться социальным нормам. Социальное действие уже не только определяется сознательным выбором, но и побуждается подсознательным влечением. Между тем действие можно считать социальным, если в нем присутствуют ожидание действий других индивидов, ориентация на их деятельность. В этом смысле социальное действие – это то, что находится в пределах влияния норм и ценностей, социальных институтов и образцов культуры. В целом Т. Парсонс к середине XX в. разработал общеметодологическую теорию социального действия, отвечая на главный вопрос системной теории: как действует объект?

В этом же направлении одновременно реализовал свой научный поиск и Р. Мертон[26], развивший понятие «аномия»[27] на основе системного подхода. Однако он не стремился создать общую методологию социального действия, сознательно ограничивая научный поиск сферой теории среднего уровня, которая представляет собой связующее звено между концепциями эмпирического обобщения и общеметодологической теорией. Такой подход по характеру близок к теории идеальных типов, только методологически ориентирован системным подходом. Позиции Р. Мертона и М. Вебера близки в том, что для них главным остается вопрос: почему человек осуществляет действие? Этот вопрос Р. Мертон конкретизирует: в чем причина аномийных действий человека? По его мнению, в том, что в действиях человека возможна рассогласованность между целями, предлагаемыми культурой, и институализированными способами достижения этих целей.

В 70—90-е гг. XX в. Н. Луман[28], опираясь на системный метод, сконцентрировал внимание на изучении социального действия с точки зрения взаимосвязи общества с окружающей его средой и на способности такого общества вырабатывать механизмы рефлексии, обеспечивающие его самоорганизацию, самосозидание (автопоэксис[29]). В конце XX в. системный подход во взаимосвязи с теорией социального действия в западной социологии был реализован при исследовании проблемы социальной солидарности (например, работы Ю. Хабермаса[30], К. Боулдинга[31], Дж. Тайнтера[32]. Среди современных исследований особо стоит отметить разработанную на основе теории неравновесности и самоорганизации (методология брюссельской школы) концепцию социального действия П. Штомпки[33], в которой исследовательское внимание сосредоточено на процессах (в отличие от социологии середины века, опирающейся на принципы систем Л. фон Берталанфи, которая особое внимание уделяла структурам).

---

[26] См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социс. – 1992. – № 2, 3, 4; *Merton R.* Social Theory and Social Structure. – Glencoe., 1957.

[27] Аномия – состояние, при котором некоторые личности не могут интегрироваться с институциализированными нормами общества. Общественная аномия характеризуется существеным ослаблением нормативных стандартов социума. Аномийное поведение человека – это либо его социальная дезориентация, либо сознательное игнорирование существующих институциональных норм *(Керимов Т.К.* Аномия // Современный философский словарь. М. – Бишкек – Екатеринбург, 1996. – С. 20; *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001. – С. 27, 373; *Якош А.М.* Теория социальной аномии // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 566).

[28] См.: *Луман Н.* Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 1994; *Luhman N.* Trust and Power. – N.Y., 1979.

[29] Автопоэксис – термин, введенный и используемый Н. Луманом, обозначающий способность социальных систем создавать такие социальные институты (например, наука, право, политика), которые обеспечивают самоорганизацию общества; вместе с тем эти социальные институты со своими методическими правилами являются саморефлексирующими и самосозидающими системами *(Luhmann N.* The Differentiation of Society. – N.Y., 1982. – P. 49).

[30] См.: *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2.

[31] См.: *Boulding K.E.* The World as a Total System. – London, 1985.

[32] См.: *Tainter J.A.* The Collapse of Complex Societies. – Cambridge, 1988.

[33] См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М., 1996.

Разработка и исследование проблемы мотивации и ориентации человека в социальной среде в отечественной социологии имеет свои особенности, на которые повлиял характер развития социологии в России в XX в. Отечественная социология, испытав коллизии 30—40-х гг., после периода забвения возродилась в 50—60-е гг. Как и все общественные науки того времени, теоретическая социология находилась под влиянием методологии исторического материализма, тогда как эмпирическая социология, будучи в определенной мере независимой, стала использовать как исследовательский инструмент методологию структурно-функционального анализа[34]. Вследствие этого наметился разрыв между теоретической и эмпирической социологией.

Успехи прикладной социологии, а также успехи других наук, использующих системный метод, привели к тому, что в Советском Союзе начала развиваться системная методология для исследования общественных явлений, что предполагало явную или неявную борьбу с официально принятой методологией. Поэтому главным методологическим вопросом дискуссий того времени стал вопрос о предмете социологии[35]. Сосредоточенность на этом вопросе ограничивала возможность социологии заниматься разработкой других методологических проблем, что еще больше усилило разрыв между эмпирической и теоретической социологией.

Эмпирическая социология 70-х гг. нуждалась, во-первых, в методиках, обеспечивающих надежность и точность сбора данных; во-вторых, в способах первичного обобщения и интерпретации полученного материала. Первое требование обеспечило развитие в 70-х гг. социологических методик[36]. Второе требование, испытывая на себе влияние структурного функционализма, привело к структурированию социологического знания по отраслям[37]. При этом каждая отрасль социологического знания в условиях борьбы методологий столкнулась с необходимостью разработки своей собственной техники обобщения и интерпретации данных. В результате к началу 80-х гг. социологическое знание оформилось в структуру, состоящую из трех уровней[38]:

• первый – эмпирическая социология, непосредственно ориентированная на сбор первичных данных, разрабатывающая методы, обеспечивающие надежность и точность получения информации;

• второй – социология, направленная на обобщение первичных данных по определенным отраслям, сферам социальной деятельности;

• третий – теоретическая социология как общая методология, называемая в то время историческим материализмом.

Сложившаяся к настоящему времени структура социологического знания в России не имеет явно обозначенной теории социального действия, хотя в ряде подходов содержится ее проблематика (проблематика мотивации и ориентации индивида в обществе), например в теориях организации и самоорганизации, социального управления (обозначим это условно как системное направление). С другой стороны, особым направлением, где обнаруживается рассматриваемая проблема, являются научные работы, посвященные изучению так называемого «русского вопроса» – специфике российского социального поведения.

---

[34] См.: *Аверьянов Л.Я.* Социология: что она знает и может. – М., 1993. – С. 9—12; *Ядов В.А.* Предисловие // Социология в России. – М., 1998. – С. 7—22.

[35] См.: *Аверьянов Л.Я.* Социология… – С. 26; *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. – М., 1999. – С. 14–37.

[36] См.: *Ядов В.А.* Предисловие. – С. 11.

[37] Таковыми являются: теория стратификации, социология культуры, личности, труда, экономики, демографии, политики (Социология в России. – М., 1998.).

[38] См.: *Ядов В.А.* Предисловие. – С. 11; *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология. – В 3 т. Т. 1. Методология и история. – М., 2000. – С. 20–64.

Ряд работ – это теоретические социологические разработки и подходы к изучению процессов функционирования, развития, девиации, коллапса социальных систем. Здесь могут быть выделены работы, посвященные как общеметодологическим проблемам (социологическое знание третьего уровня), так и анализу организации и самоорганизации социальных систем, условий их функционирования (социологическое знание второго уровня).

В нашей стране исследование социальных феноменов с точки зрения системного подхода было инициировано работами В. Г. Афанасьева[39] в 60—70-х гг. Им разработаны проблемы изучения общества как системной целостности, органически связанной с природой, и определено научное направление – исследование проблем управления сложными системами. Такой подход может быть охарактеризован как общая теория управления системами, в которой принципы тектологии, кибернетики и теории систем были применены к управлению обществом в целом.

Успехи системной теории в естественнонаучной сфере (математике, физике, химии и др.) оказали большое влияние на становление новой методологической парадигмы общественных наук. Здесь большую роль сыграли работы С. П. Курдюмова, Г. Г. Малинецкого, Н. Н. Моисеева и других ученых[40]. Особенность новой научной позиции состояла в том, что российские ученые опирались не столько на принципы Л. фон Берталанфи, сколько на открытия и разработки брюссельской школы. Поэтому в рамках системного подхода к изучению социальных явлений начинали преобладать идеи самоорганизации и синергетики. Синергетический подход как методология исследования социальных явлений занял заметное положение в 90-х гг. особенно в связи со сменой государственно-политического и социально-экономического устройства страны, что потребовало переосмысления устоявшихся на протяжении десятилетий представлений об обществе и личности, отказа от прежней идеологии. Разработке методологии социальных явлений посвящено значительное количество работ, в том числе В. С. Егорова[41], В. П. Бранского[42], В. Л. Романова[43]. Сейчас уже можно утверждать, что системная парадигма стала ведущей методологией исследования социальных явлений, т. е. положена в основу теоретической социологии (как социологического знания третьего уровня).

В 70-е гг. в отраслевой социологии (социологическое знание второго уровня) выделилось особое направление – социология организаций. Ее предмет – феномен коллективного субъекта как социальной организации. В центре внимания здесь находятся вопросы природы организации, ее строения и функционирования[44]. В отличие от других отраслевых направлений, социология организаций синтезировала как различные научные дисциплины (напри-

---

[39] См.: *Афанасьев В.Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. – М., 1986; *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. – М., 1981; *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. – М., 1981.

[40] См.: *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Принцип коэволюции сложных систем и социальное управление // Синергетика и социальное управление. – М., 1998; *Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М., 1990; *Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б.* Синергетика – новые направления. – М., 1989; *Малинецкий Г.Г.* Контуры завтрашнего дня // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4; *Моисеев Н.Н.* Есть ли у России будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. – М., 2000; *Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня: Свободные размышления, 1917–1993. – М., 1996; *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. – М., 2000; *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. – М., 1998.

[41] См.: *Егоров В.С.* Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Егоров В.С.* Синергийное миропонимание и управление // Синергетика и социальное управление. – М., 1998; *Егоров В.С.* Социальный реализм. – М., 1999; *Егоров В.С.* Философский реализм. – М., 1994.

[42] См.: *Бранский В.П.* Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. – 2000. – № 4.

[43] См.: *Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность. – М., 2000; *Романов В.Л.* К становлению новой парадигмы обществоведения // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Романов В.Л.* Креативные аспекты социального управления // Синергетика и социальное управление. – М., 1998.

[44] См.: *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001. *Щербина В.* Социология организаций: школы, направления и тенденции развития // Социология в России. – М., 1998. – С. 241–251.

мер, психологию, управление, экономику и т. д.), так и методологический и эмпирический уровни знаний (в настоящее время особенно близко взаимосвязана социология организаций с социологией труда)[45].

Проблематике организации, начиная с 70-х гг., были посвящены работы[46] Р. Григаса, Н. И. Лапина, В. Г. Подмаркова, Н. Ф. Наумова, А. И. Пригожина, О. И. Шкаратана. В 70—90-е гг. наиболее полное представление о теории организации с системных позиций дал А. И. Пригожин. С его именем связано выделение и легализация социологии организаций как особой дисциплины, уточнение ее предмета[47]. Социология организаций может рассматриваться как сложившаяся к настоящему времени одна из первых теорий среднего уровня в России.

В целом анализ развития социологического знания в России показывает, что предметная область социального действия, т. е. сфера исследования мотивации и ориентации индивида, остается до последнего времени открытой. На первый взгляд, это может быть объяснено тем, что данная сфера исследована западной социологией и для России не актуальна. Однако актуальность данной проблематики связана именно со спецификой российского социального действия, что в западной социологии не рассматривалось.

Проблема российской специфики во всех многообразных формах ее проявления традиционно была предметом дискуссии по так называемому «русскому вопросу» и рассматривалась с точки зрения философии, истории, культурологии, психологии. В целом тематика «русского вопроса» (который далее будет рассмотрен подробнее) дала достаточно богатый эмпирический материал для исследования феномена социального действия.

Таким образом, социологическая проблема специфики российского социального действия на сегодняшний день оказалась мало исследованной областью научного знания. Соответственно, в России не сложилась социологическая методология исследования поведения индивида как теория среднего уровня. Столь широкая познавательная область может быть перспективной для многих ученых.

Организационное поведение государственного служащего может быть адекватно описано теорией социального действия, направленной на разрешение проблемы пересечения «нового» и «старого» в деятельности человека. Суть названного противоречия состоит в том, что человек находится под влиянием двух факторов – цели и институциализированных норм, регламентирующих и регулирующих его целевые стремления. Рассогласованность целей и норм приводит к конфликту между «новым» и «старым» (т. е. к аномии). Для того чтобы избежать аномии, общество вынуждено постоянно вырабатывать механизмы регуляции стремлений индивидов.

Одним из важнейших институтов, вырабатывающих механизмы институциализированного нормирования, является государственная служба. Вместе с тем государственный служащий одним из первых сталкивается с новыми целями и утратившими институциализированную силу нормами. Поэтому в его действиях обнаруживается рассогласованность целей и норм. Парадокс состоит в том, что институт, призванный преодолевать аномию,

---

[45] См.: *Адамчук В.В.* и др. Экономика и социология труда. – М., 1999; *Ромашов О.В.* Социология труда. – М., 1999; *Фролов С.С.* Основы социологии труда. – М., 1997; *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001.

[46] См.: *Григас Р.* Социальная организация предприятия и ее функция. – Вильнюс, 1980; *Лапин Н.И.* Проблемы социологического анализа организационных систем // Вопросы философии. – 1974. – № 7; *Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. – М., 1975; *Подмарков В.Г.* Введение в промышленную социологию. – М., 1973; *Наумова Н.Ф.* Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1983; *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М., 1988; *Пригожин А.И.* Организации: системы и люди. – М., 1983; *Пригожин А.И.* Социологические аспекты управления. – М., 1974; *Пригожин А.И.* Социология организаций. – М., 1980; *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. – М., 1995; *Шкаратан О.И.* Промышленное предприятие. Социологические очерки. – М., 1978.

[47] См.: *Пригожин А.И.* Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – М., 1998. – С. 245.

первым оказывается ею зараженным. Регулирование деятельности государственного служащего определяется правовыми нормами. Именно этому посвящено значительное количество научных работ[48]. Между тем современные ученые пришли к выводу, что «недостаточность юридического подхода к исследованию проблем государственного управления обнаруживается во всех странах в послевоенные годы!»[49], а следовательно, как отмечает Г. В. Атаманчук, «пора уходить от такого правового регулирования, когда появляется правовая норма, которая, с одной стороны, социологически не обоснована, а с другой стороны, практически не действует»[50].

В последние годы проблема государственного служащего исследуется с позиций различных уровней социологического знания. Достаточно обширный материал дает эмпирическая социология (социология первого уровня). Конкретные исследования, проводимые учеными РАГС[51] под руководством Е. В. Охотского, В. Л. Романова, А. И. Турчинова, К. О. Магомедова, ориентированы на исследование внутренних состояний государственной службы, ее взаимодействия с внешней средой. Эмпирические материалы стимулируют развитие социологического знания второго уровня, направленного на конкретные предметные области, прежде всего такие, как профессионализация и кадровая политика (А. И. Турчинов, В. Д. Граждан, Б. Т. Пономаренко)[52], этика и культура взаимодействия (В. Бойков, В. Л. Романов)[53], различные аспекты управленческой деятельности (Г. В. Атаманчук, Л. А. Василенко, В. С. Карпичев, Б. В. Лытов, В. П. Мельников, В. С. Нечипоренко, В. Г. Смольков)[54]. Социологическая методология (знание третьего уровня) исследования государственной службы на сегодняшний день достаточно полно представлена в работах В. С. Егорова[55], В. Д. Граж-

---

[48] См.: *Бахрах Д.Н.* Государственная и муниципальная служба. – Екатеринбург, 1993; *ВенгеровА.Б.* Теория государства и права. – М., 1998; *Пикулькин А.В.* Система государственного управления. – М., 2000.

[49] Проблемы общей теории социалистического государственного управления. – М., 1981. – С. 40.

[50] *Казанцев Н.М.* Публично-правовое регулирование государственной службы: институционально-функциональный анализ. – М., 1999. – С. 4.

[51] См.: Введение (эмпирическая база исследования) к данному учебному пособию.

[52] См.: *Турчинов А.И.* Актуальные проблемы развития теории кадровой политики в условиях реформ // Научные доклады. Вып. 1. Материалы научно-практической конференции «Российское государство и государственная служба на современном этапе». – М., 1999; *Турчинов А.И.* Проблема развития теории кадровой политики в условиях реформ // Российское государство и государственная служба на современном этапе: Материалы научно-практической конференции. – М., 1998; *Турчинов А.И.* Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. – М., 1998; *Турчинов А.И.* Синергия конструктивного и деструктивного профессионализма // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Граждан В.Д.* Государственная служба как профессиональная деятельность. – Воронеж, 1997; *Граждан В.Д.* Деятельностная теория управления. – М., 1997; *Граждан В.Д.* Деятельность и управление (социологический аспект). – М., 1998; *Граждан В.Д.* Управление деятельностью и проблема самоорганизации // Синергетика и социальное управление. – М., 1998; *Пономаренко Б.Т.* Реформирование профессиональной школы: история, опыт, проблемы (1980–1994). – М., 1994; *Пономаренко Б. Т.* Деловое образование кадров управления: тенденции и противоречия развития //Российское государство и государственная служба на современном этапе: Материалы научно-практической конференции. – М., 1998.

[53] См.: *Бойков В.* Профессиональная культура государственной службы // Социс. – 1999. – № 2; *Романов В.Л.* К становлению новой парадигмы обществоведения // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Романов В.Л.* Коррупция как системная социальная патология // Российское государство и государственная служба на современном этапе: Материалы научно-практической конференции. – М., 1998; *Романов В.Л.* Креативные аспекты социального управления // Синергетика и социальное управление. – М., 1998.

[54] См.: *Атаманчук Г.В.* Межкафедральная синергийность в преподавании проблематики государственного управления в РАГС // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Атаманчук Г.В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. – М., 1996; *Василенко Л.А.* Интернет: самоорганизация и управление // Синергетика и социальное управление. – М., 1998; *Карпичев А.Г.* Личная тектология в канун XXI века // Истоки российского менеджмента. – М., 1997; *Лытов Б.В., Романов В.Л.* Синергия личностных качеств лидера // Синергетика: человек, общество. – М., 2000; *Мельников В.П.* Государственные органы и государственная служба в России. – Н. Новгород, 1995; *Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. – М., 2000; *Нечипоренко В.С.* Организация и функционирование государственной службы. – Ростов н/Д, 1998; *Смольков В.Г.* Бюрократизм // Социс. – 1999. – № 2; *Смольков В.Г.* Принципы управления и их классификация // Истоки российского менеджмента. – М., 1997.

[55] См.: *Егоров В.С.* Философский реализм. – М., 1994; *Егоров В.С.* Социальный реализм. – М., 1999.

дана[56], В. Л. Романова[57] и др. Разрабатываемые названными учеными деятельностный и синергийный подходы представляют собой методологические основы для исследования системы социального действия государственного служащего.

Пронизывает и связывает три уровня знания теория организации (которая на сегодняшний день достаточно полно представлена С. С. Фроловым[58]), выступающая ориентиром (теорией среднего уровня) научного поиска для исследования государственной службы (данный ориентир присутствует в работах вышеназванных ученых, а в работе Л. А. Калиниченко[59] – как самостоятельный научный опыт исследования организации государственной службы). Организационный подход применительно к государственной службе на сегодняшний день в полной мере оказывается реализованным. Вместе с тем такая проблема, как способ ориентации и мотивации индивида применительно к государственной службе, и накопившийся эмпирический материал требуют интерпретации, которую не может дать организационный подход. На наш взгляд, поиск путей разрешения указанной проблемы возможен не только с точки зрения организационного подхода, но и с точки зрения теории социального действия.

Особым научным полем, возникающим на пересечении научных направлений, названных выше, становится **«организационное поведение»** как **системные координаты социума, задающие ориентиры социального действия индивидам в системе государственной службы.** Исходя из этого научным стержнем проблемы предстает исследование поведения государственного служащего, обусловленного влиянием требований профессии и социальных факторов национальной культуры (рис. 1).

Рис. 1. Социальное действие государственного служащего как исследовательское поле

Подходы к изучению организационного поведения государственных служащих содержатся в науках по управлению, психологии, культурологии и др. Особенность собственно социологического подхода как междисциплинарного в том, что он способен синтезировать

[56] См.: *Граждан В.Д.* Государственная служба как профессиональная деятельность. – Воронеж, 1997; *Граждан В.Д.* Деятельностная теория управления. – М., 1997; *Граждан В.Д.* Деятельность и управление (социологический аспект). – М., 1998; *Граждан В.Д.* Управление деятельностью и проблема самоорганизации // Синергетика и социальное управление. – М., 1998.

[57] См.: *Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность. – М., 2000.

[58] См.: *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001.

[59] См.: *Калиниченко Л.А.* Социальная организация государственной службы. – М., 2000.

экономические, психологические, культурные и другие феномены как социальные, исходя из принципа, заложенного основателями теории социального действия. В этом ракурсе важно исследовать специфику социального действия государственного служащего как основание организационного поведения, оказывающего управленческое влияние на общество в целом.

Контрольные вопросы

1. Какую научную функцию выполняет социальное действие?
2. В чем суть теории социального действия М. Вебера?
3. В чем суть детерминистического взгляда на поведение человека?
4. Что такое системный подход к пониманию поведения человека в организации?
5. Каковы этапы становления системного подхода в зарубежной науке?
6. Каковы исследования поведения работника в России?
7. В чем особенность организационного поведения государственного служащего?

Тема 2
Система регуляторов социального действия как основа организационного поведения

Сложившийся в истории социологии системный подход к исследованию феномена социального действия ориентирует ученых рассматривать его как целостность, как систему, а значит, необходимо ответить на вопросы: что представляет собой социальное действие как система (ее описание)? как эта система (сложившись в организационное поведение) себя ведет? в чем ее суть? Само понятие «система» дает определенные исследовательские направления. В настоящее время это понятие детально разработано и определено. Система от греч. *σστημα [systema]* – целое, составленное из частей; соединение. Понятие имеет ряд значений: «1. Упорядоченное множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство. 2. Порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением частей в определенной связи, строгой последовательностью действий… 3. Форма, способ устройства, организация чего-либо. …»[60].

В указанных определениях присутствует ответ на вопросы, какова система, как она выглядит, чем характеризуется, т. е. что есть система как нечто статичное. Здесь дано феноменальное описание. Однако оставлен без ответа другой вопрос: в чем же ее суть? или в чем причина ее единства? Данный вопрос нередко возникает при исследовании динамичных систем, в том числе действий. Поэтому он является исследовательским ориентиром для анализа системы социального действия.

Попытки определения систем действия впервые были предприняты в биологии в XIX в. Тогда ученые столкнулись с очевидным: живому организму присуще стремление к определенной, свойственной ему цели (в соответствии с которой он и устроен). Отсюда закономерно возникал вопрос: если есть цель, то она кем-то поставлена? Кем-то, кто обладает разумом и волей? Отсутствие ответа на этот вопрос лишало науку позитивности и уводило ее в область теологии. Поэтому ученые на рубеже XIX–XX вв. стремились отдалиться от идеи целесообразности. Однако бурное развитие различных отраслей науки в начале XX в. позволило ученым прийти к заключению, что целесообразность может возникать вполне естественно, без творящей роли субъекта, стоящего вне системы или организма.

А. А. Богданов в своей фундаментальной работе «Тектология» дал научную интерпретацию феномену целеустремленности: «[биологи] уже давно характеризовали организм как «целое, которое больше суммы своих частей». Хотя, употребляя эту формулу, они сами вряд ли смотрели на нее, как на точное определение, особенно ввиду ее внешней парадоксальности. Однако есть в ней черты, заслуживающие особого внимания. Она не включает фетиша (ставящего цели субъекта) и не сводится к тавтологии (повторению того же, только другими словами). А ее кажущееся или действительное противоречие с формальной логикой само по себе еще ничего не решает: ограниченность значений формальной логики вполне установлена научно-философской мыслью»[61]. В этом положении А. А. Богданова содержится ответ на вопрос, в чем суть системы. Внешним специфическим качеством системы, обнаруживающим суть, является целесообразность. Но сама суть – это эффект, выраженный формулой «целое больше своих частей». Поэтому при изучении систем сначала обнаруживается их целесообразность, а только затем – суть.

---

[60] Система // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998. – С. 464; *Садовский В.Н.* Система // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 584; *Керимов Т.К.* Система // Современный философский словарь. – М., Екатеринбург – Бишкек, 1996. – С. 460.

[61] *Богданов А.А.* Тектология. В 2 кн. – М., 1989. – Кн. 1. – С. 111.

Понятие «система» является для данного исследования методологическим основанием анализа понятия «социальное действие». М. Вебер, характеризуя социальное действие, отметил его целесообразность. Это качество он отнес к способностям человека совершать рациональный выбор и осознанно достигать цели. Исходя из сущностного понимания социального действия как системы, отметим, что социальному действию свойственна целесообразность. Но не по причине того, что социальное действие является рациональным и в основе его всегда лежит осознанный выбор, а по причине того, что социальное действие – это активность[62], дающая организационный[63] эффект[64].

Опираясь на традицию теории социального действия, отметим положения, которые в данном исследовании принимаются в качестве исходных. Во-первых, как уже упоминалось, социальным действием признается только такое, в котором индивид ориентируется на действия других лиц (соответственно, аффективные и традиционные действия нельзя рассматривать как социальные). Однако, в отличие от М. Вебера, полагаем, что такая ориентация (ожидание) не является исключительно рациональной. Поэтому допускаем, что индивид ожидает действий других людей не только рационально, но и эмоционально. Во-вторых, социальное действие определяют два фактора – мотив и ожидание.

Мотив, который понимается в самом общем смысле как побуждение к действию. Он может быть осознанным (целевым или ценностным) и неосознанным (под влиянием стереотипа или аффективного влечения). Целевой мотив – осознание цели личного достижения. Ценностный мотив – осознанное принятие идеалов и норм. Мотив может быть и неосознанным. При этом если действие индивида, побуждаемое влечением, осуществляется без ориентации на поведение других людей, то такое действие не является социальным. Если же действие индивида, определяемое аффектом или стереотипом (привычкой), ориентировано на поведение других людей, то такое действие можно назвать социальным.

Согласно концепции академика А. Н. Леонтьева, основными видами мотивов являются мотивы-стимулы и смыслообразующие мотивы. Мотивы-стимулы – побудительные аффективные факторы, лишенные смыслообразующей функции. Смыслообразующие мотивы – побудители деятельности, придающие ей личностный смысл. Суть концепции мотивации в том, что стимульный мотив включает механизм выбора индивидом смыслообразующих целей (мотивов). Выбранная цель и направляет действия индивида[65]. В таком случае процесс мотивации распадается на следующие составляющие: 1 – стимул; 2 – способ выбора цели; 3 – действия, ведущие к цели.

Таким образом, цель социального действия определяется способом ее выбора (используя терминологию М. Вебера) – целерациональным и ценностно-рациональным. Целерациональная цель социального действия индивида – это ясно осознаваемый результат. Выбор цели строится на рациональном расчете, разработке эффективной программы (плана) и соответствует формуле «осуществление цели необходимо для того, чтобы …», т. е. выбор индивида продиктован рациональным осознанием необходимых условий его наличного бытия[66]. Достижение цели предполагает строгое следование плану. Достигая цель, индивид увели-

---

[62] Активность здесь, по терминологии А.А. Богданова, понимается как любое действие, производимое элементами или группами элементов, обеспечивающее целостность комплекса (см.: *Богданов А.А.* Тектология. – М., 1989. – Кн. 1. – С. 118–124).

[63] Согласно А.А. Богданову, возможны организованные, дезорганизованные и нейтральные комплексы. Системой в современном понимании, может быть назван только один – организованный комплекс (см.: *Богданов А.А.* Тектология. – С. 121).

[64] По мнению А.А. Богданова, «организованное целое … практически больше простой суммы своих частей, но не потому, что в нем создавались «из ничего» новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления» (см. *БогдановА.А.* Тектология. – М., 1989. – Кн. 1. – С. 117).

[65] См.: *ЛеонтьевА.Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. – М., 1983. – Т. 2. – С. 212.

[66] Перефразируя Г. Гегеля, можно сказать: цель есть осознанная необходимость (см.: *Гегель Г.* Соч. Т. 8. – М. – Л., 1935).

чивает имеющиеся у него ресурсы. Такая цель в полном смысле – целерациональная. Для того чтобы избежать тавтологии[67], дадим наименование рассмотренному понятию – «рациональная цель».

Ценностно-рациональная цель – антитеза рациональной цели. В качестве цели (точнее, идеалов) индивид выбирает такие абстрактные ценности, как добро, красота, справедливость и т. п.[68], которые не всегда ясно осознаются (хотя не исключено, что идеал может быть рационально осознаваемым) им, но всегда обладает для индивида притягательной (аттрактивной[69]) силой. Тем самым идеал порождает у индивида устойчивое эмоциональное отношение, следствием чего является его стремление отдать свои силы достижению этого идеала. Достижение идеала может строиться как на расчете и плане, так и в свободном поиске. Формула стремления к идеалу – «во имя.», поэтому идеал не есть условие наличного бытия (он безусловен), идеал аналогичен категорическому императиву И. Канта[70]. Такая цель не является рациональной. Эта цель, по сути, не цель, а идеал. Поэтому термины «цель» и «рациональная» здесь не подходят, т. е. вряд ли имеет смысл использовать для рассмотренного понятия веберовский термин «ценностно-рациональная цель». Здесь более уместен термин Л. Н. Гумилева – «аттрактивный идеал»[71] (табл. 2).

Таблица 2
Структура социального действия

Характеристики	*Цель социального действия*	*Идеал социального действия (надежда)*
Основа	Интересы индивида	Абстрактные ценности: добро, красота, справедливость, мудрость, счастье и т.п.
Результат	Достижение результата, который выражается в приобретении или сохранении индивидом ресурсов, энергии, необходимых для его существования	Растрата энергии и ресурсов индивида
Выбор	Рациональный (осознание необходимых условий бытия)	Аттрактивный (идеал — категорический императив; безусловное следование идеалу)
Формула	«для того, чтобы...»	«во имя...»
Способ достижения	Только следование плану	И следование плану, и свободный поиск

Другим важнейшим фактором (вместе с мотивом), влияющим на социальное действие индивида, является ожидание, или экспектация[72]. Способ выбора цели или идеала связан

[67] В данном случае – целерациональная цель.

[68] Л.Н. Гумилев называет стремление индивида к указанным ценностям аттрактивностью (см.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. С. 328–330, 496.).

[69] Аттрактивность (от лат. *attractio)* – притяжение, влечение.

[70] См.: *Кант И.* Критика практического разума. Соч. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 260.

[71] Л.Н. Гумилев в своей концепции «пассионарности» при анализе типов этнического поведения выделил две формы активности: «эгоистическую» и «аттрактивную». «Эгоизм» понимается как волевое стремление к рационально определенной цели. «Аттрактивность» – влечение к абстрактным ценностям. Целостное описание Л.Н. Гумилевым «эгоизма» совпадает с описанием М. Вебера «целерациональности». Аналогичное совпадение наблюдается и при соотнесении «аттрактивности» и «ценностно-рационального действия». В этой связи термин «аттрактивность» в значении, которое ему придал Л.Н. Гумилев, в нашей работе может быть использован как синоним термина «ценностно-рациональное действие». Подробно о характеристике эгоизма и аттрактивности см.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – С. 328–330.

[72] Экспектация (от англ. *expectation* – ожидание) – термин, которым в теории (и в структурном функционализме в целом)

именно с ожиданием действий других людей, которое в таком случае также является либо рациональным, либо аттрактивным. В этом смысле рациональное ожидание предполагает поведение индивида, выбирающего эффективную стратегию действий, учитывающую поведение других людей. Аттрактивное ожидание ориентировано верой в ценности, идеалы с учетом поведения других людей, но без расчета индивидом эффективности своих действий. И то и другое – это различные формы сознательного выбора, которые являются предпосылками социального действия.

В целом социальное действие определяют мотивы – целевой, ценностный, аффективный, стереотипный – и формы социального ожидания – рациональное и аттрактивное. Поэтому, производя дедуктивное заключение из теории М. Вебера, отнесем к типам социального действия следующие восемь типов:

1) рационально-целевое (или описанное М. Вебером целерациональное) действие. Целевой стимул и рациональный выбор обусловливают действие индивида;

2) рационально-ценностное действие. Нормы или ценности служат стимулом и воспринимаются индивидом как инструменты эффективного достижения цели. Индивид ориентирован регулятивным принципом – «следовать нормам, правилам, ценностям и т. п. полезно и выгодно»;

3) рационально-аффективное действие. Индивид использует аффект как инструмент достижения рациональной цели;

4) рационально-стереотипное действие. Индивид рационально отбирает и формирует у себя привычки, необходимые для эффективного достижения цели.

Названные типы относятся к классу рациональных действий;

5) аттрактивно-целевое действие. Ясно и логически осознаваемая цель воспринимается как идеал, который достигается, не считаясь с затратами (идеал ставится выше, чем эффективность действий);

6) аттрактивно-ценностное (или именуемое М. Вебером ценностно-рациональное) действие;

7) аттрактивно-аффективное действие. Действие в состоянии энтузиазма и воодушевления, охватывающем человека, увлеченного реализацией своих идеалов;

8) аттрактивно-стереотипное действие. Поведение, ориентированное на нормы как привычки (людей, которым свойственно такое поведение, называют ретроградами).

Последние четыре типа социального действия относятся к классу аттрактивных.

Вместе с типами социального действия приведем и четыре типа человеческого действия, которые нельзя считать социальными, так как они не предполагают ориентацию действующего человека на поведение других людей:

• первый тип – эгоцентричное действие, т. е. стремление индивида к личной цели без ориентации на других людей (или используя их как инструменты достижения цели) исходя из движущей установки «цель оправдывает средства»;

• второй тип – фанатичное стремление к идеалу исходя из установки «идеал выше целесообразности»;

• третий тип – веберовское аффективное действие;

• четвертый тип – веберовское традиционное действие (табл. 3).

Таблица 3

Типы социального действия

обозначается ожидание от человека определенного поведения в зависимости от его положения (позиции) в социальной системе. Сама эта позиция предстает как система ожиданий, предъявляемых человеку социумом и обеспечиваемых соответствующими санкциями и поощрениями, правилами социального взаимодействия (см.: *Шихирев П.Н.* Экспектация // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1997).

Мотив	*Предмет социологии: формы ожидания*		*Предмет психологии: отсутствие ожидания*
	Рациональное	*Аттрактивное*	
	Класс рациональных действий	*Класс аттрактивных действий*	*Класс несоциальных действий*
Целевой	Рационально-целевое	Аттрактивно-целевое	Эгоцентричное
Ценностный	Рационально-ценностное	Аттрактивно-ценностное	Фанатичное
Аффективный	Рационально-аффективное	Аттрактивно-аффективное	Аффективное
Стереотипный	Рационально-стереотипное	Аттрактивно-стереотипное	Традиционное

Таким образом, несоциальные действия – это действия, не ведущие к согласованному взаимодействию индивидов, в итоге не дающие организационный эффект. Но и социальные действия могут быть условием дезорганизации, дезинтеграции сообщества. Целостность (интегрированность общества) достаточно подробно описывает Р. Мертон и рассматривает ее через противоположность – «аномию», т. е. действие, ведущее к дезорганизации. Собственно целостность общества характеризуют два параметра: интегрированность и стабильность. Первый соотносится с культурными целями, второй – с институциализированными нормами.

Цели – это сложившиеся в обществе намерения и интересы отдельных индивидов и социальных групп. «Варьируя по значимости и формируя к себе различное отношение, господствующие цели вызывают устремленность к их достижению и представляют собой «вещи, к которым стоит стремиться». [Нормы] – второй элемент. определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. [Нормы] не обязательно совпадают со способами техничности или эффективности. Многие способы действий, с точки зрения отдельных индивидов, наиболее эффективные для достижения желаемого, не разрешены в культуре общества., критерием приемлемости поведения является не его техническая эффективность, а основанные на ценностях человеческие установки (поддерживаемые большинством членов группы или теми, кто способен содействовать распространению этих установок при помощи силы или пропаганды). В любом случае выбор средств достижения культурных целей ограничивается институциализированными нормами»[73].

Соответственно, социум интегрирован, если допустимые им цели не противоречат его целостности. Социум стабилен, если существующие институциализированные нормы приняты индивидами, представляющими этот социум. Аномия возникает как следствие несогласованности целей и норм (средств).

Р. Мертон, в отличие от М. Вебера, показал общественную значимость социальных действий. Любое из социальных действий может давать организационный эффект или вести к аномии. В этом смысле поведение преступника как здорового и психически нормального человека, – поведение социальное, так как он ориентируется на поведение других людей и нормы, функционирующие в обществе. Однако он учитывает поведение других людей и действующие нормы в интересах совершения преступления. Поэтому его действие – социальное, но аномийное. Если М. Вебер показал, что есть социальное действие, то Р. Мертон показал, к каким результатам может приводить социальное действие. Он предложил схему типов индивидуального приспособления (конформизм, ритуализм, инновация, ретретизм и

[73] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социс. – 1992. – № 2. – С. 119.

мятеж), которые могут приобретать характер социального отклонения и приводить к аномии[74].

Конформизм – принятие индивидом целей и норм, что обеспечивает устойчивость и динамику социума. В случае установления конформного действия как типичного и массового способа действия индивидов достигается оптимальный уровень стабильности и интеграции общества.

Ритуализм – превалирование норм над целями. Сообщество, в котором ритуализм является типичным и массовым действием, становится тоталитарным. Ритуализм как аномия имеет свои истоки в аттрактивных действиях.

Инновация – такое социальное действие, когда индивид принимает новые культурные цели, оставаясь свободным от институциональных норм. Данная форма возникает в тех случаях, когда индивид ориентирован исключительно на достижение целей успеха и использует институционально запрещенные, но эффективные средства стремления к богатству и власти. В психологии инновация именуется радикализмом и ведет, с одной стороны, к таким положительным результатам, которые обнаруживаются в творчестве, в новых оригинальных подходах и решениях, а с другой стороны – к негативным фактам, что проявляется в отрицании или игнорировании сложившихся устоев и действий индивида по принципу «цель оправдывает средства». Массовый характер инновационного действия ведет к анархии (рис. 2).

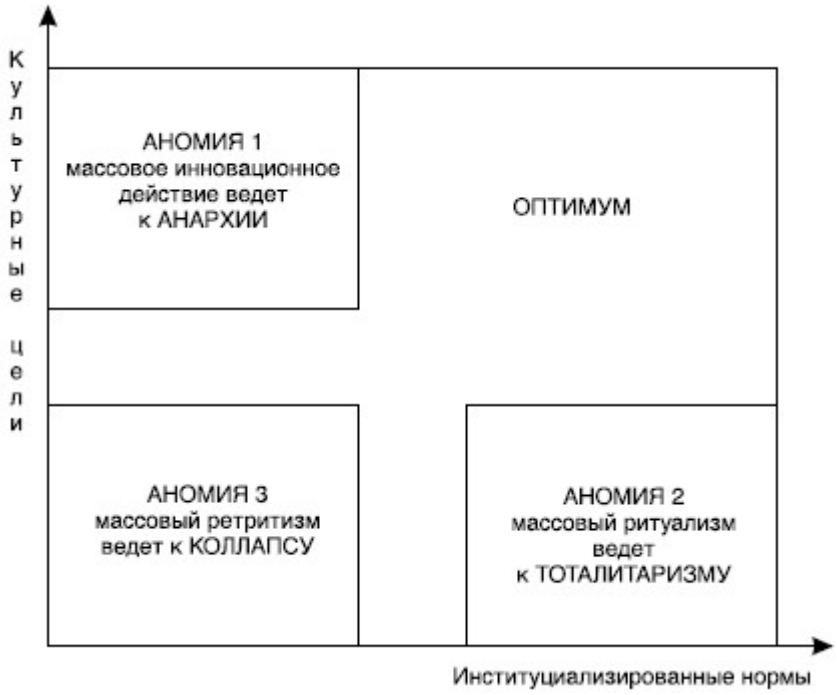

Рис. 2. координаты функционирования социальных действий, согласно р. мертону

Возможность возникновения действия, направленного на достижение цели без учета институциональных норм, связана с рядом обстоятельств. Необходимо заметить, что отказ от типичного образа действий – достаточно трудный выбор для индивида. Для того чтобы такое действие оказалось возможным в массовом социальном плане, необходимы масштабная деформация или дезавуирование институциональных норм. Такое оказывается возможным, если влияние социальных институтов, осуществляющих контроль над исполнением институциональных норм, становится неэффективным, либо эти институты еще не сложи-

[74] Там же. – С. 104.

лись. Во всех этих случаях есть один общий момент – такое возможно в случае деформации всей социальной структуры. В этом смысле инновационное действие – одновременно и процесс, и результат модификации типичного образа действия (действия, сбалансированного целями и нормами).

Крайней формой модификационного действия может быть «мятеж», а особой формой деградации социума и индивида является «ретретизм», исключающий принятие целей и норм. В данном случае отсутствуют и стабильность, и интеграция, и, как следствие, социум лишается потенциала для своего изменения (модификации) и сохранения (консервации).

Таким образом, социальные действия могут быть аномийными и организационными. По А. И. Пригожину, «тайна организационного эффекта коренится в принципах объединения индивидуальных и групповых усилий: единство цели, разделение труда, согласование и проч.»[75], или в синергии, достигаемой однонаправленностью и синхронностью действий членов сообщества[76]. Индивид, взаимодействуя с другими людьми, формирует у себя такой привычный способ действия, который согласуется с другими людьми. Следовательно, различным сообществам присущ свойственный только им способ или алгоритм действия (который вполне может включать в себя и необходимые, и бесполезные, и даже вредные действия). Собственно социальные действия различаются мотивами, способами ожидания и результатом (определяемым способом согласования целей и норм). Набор этих составляющих задает определенные алгоритмы социального действия, которые в данном исследовании рассматриваются как первое условие, обеспечивающее ориентацию индивида на других.

Алгоритм – необходимое, но не исчерпывающее условие. Рассмотрим описание Л. Н. Гумилевым формирования этнического коллектива. Первоначально возникший социум, консорция[77] формирует определенные стереотипы действий у своих индивидов (на эти стереотипы и ориентируются индивиды в процессе взаимодействия). Такие стереотипы оказываются недолговечными и зачастую сменяются другими. Поэтому такой феномен как консорция весьма пластичен и недолговечен. Но как только формируются нормы, ограничивающие отступления от стереотипа, стереотип начинает воспроизводиться. В этом случае консорция превращается в конвиксию[78] (социум, объединенный не только целями, но и нормами поведения). Нормы, скрепляющие стереотипы, служат «костяком», основанием устойчивости стереотипов. На это обращает внимание В. Л. Романов, отмечая, что «к наиболее надежным социальным гомеостатам следует отнести моральные регуляторы»[79].

Соотнося концепцию Л. Н. Гумилева с теорией Р. Мертона, отметим, что консорция – это инновационное сообщество, интегрированное только общими целями и высокой активностью, проявляющейся в стремлении к этим целям. В процессе социального взаимодействия формируются способы достижения целей, приобретающие повторяющийся характер. Такие способы действия закрепляются в «правило» действия и тем самым становятся институциональными нормами. Так возникает конвиксия, или высокоэнергичный конформный социум. Поэтому вторым условием социального действия индивида является его способность следовать нормам.

---

[75] *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. – М., 1995. – С. 50.

[76] См.: *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001. – С. 18.

[77] Консорция (от лат. *consortium* – соучастие, сообщество) – группа людей, объединенных, часто эфемерно, исторической судьбой на короткое время [судьба в данном случае понимается как однообразный набор условий социального действия. Такие условия характеризуются одними обстоятельствами, желаниями и целями] (см.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – С. 111, 497).

[78] Конвиксия – группа особей с однохарактерным бытом и семейными связями, низший таксон этнической иерархии (см.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 111, 497.

[79] *Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и управление // Социальное управление. – М., 2000. – С. 35.

Сложившись как постоянно повторяющийся, типичный образ действия, такой алгоритм приобретает характер программы, ориентированной на самоподдержание, самосохранение, самовоспроизводство. Эти алгоритмы являются основой процессов разупорядочения и упорядочения. Поддержание целостности социума достигается в процессе самоорганизации. Самоорганизация – «спонтанное образование систем из не связанных на данном отрезке времени элементов или непроизвольное внутреннее упорядочение»[80].

Упорядоченность социума достигается за счет того, что самоорганизация предполагает свое регулирование. В этом смысле упорядоченность и регулирование[81] – тождественные понятия. Социум, находясь в изменчивом состоянии самоорганизации, вынужден постоянно, неизменно себя приводить в порядок, регулировать. В этом смысле его действия (как социальные) реализуются в регуляции, что и представляет собой постоянную, и в этом смысле неизменную, основу. Поэтому социальная регуляция – основа системы социального действия.

Необходимо отметить: сами регуляторы изменчивы, хотя их генеральные функции постоянны. Эти функции определил в начале века А. А. Богданов[82]:

• консервативный подбор (или сохранение);

• прогрессивный подбор (или обновление);

• подвижное равновесие (или баланс изменения и сохранения).

Общество не может существовать без названных выше регуляторов, так как им принадлежит роль подбора строительных элементов этого общества. Сами конкретные регуляторы, имеющие определенную социальную форму, могут изменяться. Одни заменяются другими. Признавая изменчивость конкретных форм регуляторов, необходимо отметить, что консервативный подбор должен пользоваться такими формами, которые могут существовать более длительное время, нежели формы поддержания равновесия или прогрессивного подбора. Поэтому если изменяется форма консервативного подбора, то должно измениться и его содержание, а в данном случае изменение равнозначно прекращению существования.

В целом основы социального действия – социальные регуляторы консервативного подбора, обеспечивающие долговременные формы социальной упорядоченности.

Самоорганизация не ограничивается только способами подбора, в человеческих сообществах из способности самоорганизации рождается функция управления. В. Г. Афанасьев отмечает, что управление обеспечивает целостность системы (является системообразующим фактором), реализует движение к цели по определенной программе[83]. Социальное управление – воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития[84]. Управление человеческим сообществом выполняет четыре функции: организацию взаимодействия, мотивацию (стимуляцию) индивидов, планирование и контроль деятельности[85], или, другими словами, управление проявляется в определении целей (принятии решения), постановке задач (или выработке способов действия и доведения до каждого человека его функций), контроле выполнения и устранении факторов (внутреннего и внешнего характера), мешающих реализации цели.

Рассматривая соотношение понятий «самоорганизация» и «управление», мы солидарны с мнением В. Л. Романова, что самоорганизация – свойство любой системы, а управ-

---

[80] Данное определение профессора В.Л. Романова созвучно представлениям автора и является необходимым рабочим определением для данной работы (см.: Организационная культура государственной службы. – М., 2001. – С. 10, а также подробнее: *Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность).

[81] От лат. *regulo* – устраиваю, привожу в порядок.

[82] См.: *Богданов* А.А. Тектология. – М., 1989. – Кн. 1. – С. 189–205.

[83] См.: *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. – М., 1980. – С. 206.

[84] См.: *Афанасьев В.Г.* Управление // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 674.

[85] См.: *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. – М., 1992. – С. 253.

ление – исключительно социальное явление[86]. Вместе с тем данная работа опирается и на концепцию В. Г. Афанасьева[87], согласно которой управление, во-первых, обеспечивает выполнение сложившегося способа действия или устанавливает таковой, во-вторых, устраняет негативные факторы. Последнее очень важно, поскольку самой общей функцией управления является сохранение и поддержание типичного способа деятельности. При этом факторы, препятствующие управлению, могут быть внешними (давление среды), а могут быть внутренними (например, спонтанная активность элементов системы). Действие управления проявляется в реагировании на сбивающие факторы, что предполагает создание защиты от внешнего давления и устранение его последствий; усмирение активностей, направление спонтанной энергии «на мирные цели».

Первый аспект управления – обеспечение поддержания существующей программы, что проявляется в том, что управляющий блок[88] постоянно корректирует действия управляемых блоков, направляя их действия к выполнению заданного алгоритма, программы, обусловленной целью. В этом случае управление не выходит за рамки консервативного подбора и, по сути, выполняет его функцию.

Второй аспект управления – устранение влияния сбивающих факторов – имеет определенную специфику. Ответ управления на сбивающий фактор представляет собой следующую процедуру: оценка воздействия сбивающего фактора и выбор способа управленческого действия – это первый акт, назовем его мыслительным; далее, управленческое действие принимает форму управленческого сигнала, и управляющий блок посылает этот управляющий сигнал управляемым блокам – это второй акт, назовем его сигнальным[89].

На этом управленческий процесс не заканчивается, он предполагает и следующие акты, однако предварим их рядом замечаний. Прежде всего необходимо отметить, что первый акт – мыслительная оценка влияния сбивающего фактора – несет значительную вероятность ошибки и может быть неадекватным. Чем меньше опыта реагирования на сбивающие факторы накоплено управляющим органом, тем больше вероятность ошибки (иногда и опыт не защищает от ошибки).

Далее, управляющий сигнал, который посылает блок управления, может не соответствовать типичной (привычной) форме подачи сигнала для управляемых блоков. Такой управленческий сигнал может побудить управляемые блоки к «нетипичным» действиям (так как нетипичный «вызов» предполагает и нетипичный «ответ»). Вследствие этого управляемые блоки, приняв сигнал, могут среагировать «неожиданно» для «отправителя» сигнала.

Следовательно, адекватность управленческого «ответа» на сбивающий фактор зависит от точности оценки сбивающего влияния и степени «типичности» управленческого сигнала. Если управленческий ответ оказался адекватным, процесс управления возвращается к первому аспекту управления (обеспечение поддержания существующей программы). А если нет, то включается третий управленческий акт, назовем его «доведение» сигнала. Главная особенность этого акта – придать управленческому сигналу форму «типичного» сигнала.

Таким образом, управление как процесс, отвечая на сбивающий фактор, реализует функцию прогрессивного подбора – в акте мыслительной оценки и выработки решения; функцию консервативного подбора – «выбирая» «типичный» управленческий сигнал; функ-

---

[86] Организационная культура государственной службы / Авт. кол. под рук. В.Л. Романова. – М., 2001. – С. 21–23.

[87] *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. – С. 214.

[88] Блок управления – часть системы управления организацией, включающая в себя нормы, цели, эталоны контролируемых параметров, а также сравнение их с реальными значениями этих параметров. – См.: *Фролов С.С.* Социология организаций. – М., 2001. – С. 373.

[89] В данном случае анализируется только один из аспектов движения управляющей информации, в целом анализ функционирования управленческих информационных потоков дан в ряде научных работ, более подробно см.: *Фролов С.С.* Социология организации. – М., 2001. – С. 267–272.

цию подвижного равновесия – соотнося инновационное решение с типичной формой подачи управленческого сигнала. В этой связи можно иными словами обозначить направление исследования – исследование форм консервативного подбора, действующих в России, которые необходимо учитывать в процессе управления деятельностью государственных служащих.

В целом сформулируем основные особенности системы социального действия:

• имеется восемь типов социального действия (рационально-целевое; рационально-ценностное; рационально-аффективное; рационально-стереотипное; аттрактивно-целевое; аттрактивно-ценностное; аттрактивно-аффективное; аттрактивно-стереотипное). Данные типы социальных действий в случае рассогласованности целевых устремлений и институциональных норм могут приобретать аномийные формы (описанные Р. Мертоном);

• структурными составляющими «идеального» социального действия являются: мотив (целевой, ценностный, аффективный, стереотипный), ориентация (рациональная или аттрактивная), результат (организационный или аномийный);

• по своей сути система социального действия дает «организационный» эффект, выраженный в формуле «активность целого выше суммы активностей составляющих ее частей»;

• каждому социальному действию индивида присущ определенный алгоритм (который может включать в себя и необходимые, и бесполезные, и даже вредные действия);

• оформляется этот алгоритм нормами, которые приобретают характер программы, ориентированной на самоподдержание, самосохранение социального действия;

• социальное действие обеспечивает самоорганизацию социума. Упорядоченность социума достигается за счет того, что самоорганизация предполагает регулирование. В этом смысле упорядоченность и регулирование – тождественные понятия. Социум, находясь в изменчивом состоянии самоорганизации, вынужден постоянно, неизменно себя приводить в порядок, регулировать. В этом смысле его действия (как социальные) реализуются в регуляции, что и представляет собой постоянную, и в этом смысле неизменную, основу. Поэтому социальная регуляция – основа системы социального действия;

• основы социального действия суть социальные регуляторы консервативного подбора, обеспечивающие долговременные формы социальной упорядоченности;

• управление отлично от спонтанного процесса самоорганизации и представляет собой сознательный процесс регуляции, который выполняет три функции:

1) функцию прогрессивного подбора – в акте мыслительной оценки и выработки решения;

2) функцию консервативного подбора – «выбор» «типичного» управленческого сигнала;

3) функцию подвижного равновесия – соотнося инновационное решение с типичной формой подачи управленческого сигнала;

• методология системного анализа социального действия, используемая в данной работе, направлена на исследование форм консервативного подбора, действующих в России и оказывающих влияние на деятельность государственных служащих.

Система социального действия – целостность, в основе которой лежит ориентация индивида (рациональная и аттрактивная) на сложившийся алгоритм поведения, на институциональные нормы и способ самоорганизации.

Контрольные вопросы

1. Что такое система?
2. Чем характеризуется система действий?

3. Каков мотив социального действия?
4. Какова структура социального действия?
5. Каковы типы социальных действий?
6. Какова классификация социальных действий Р. Мертоном?
7. Что такое регуляторы социального действия?
8. Что такое система социальных действий?

Тема 3
Теоретическая модель регуляторов социального действия

Принцип системности предполагает построение теоретической модели социального действия. Процесс моделирования – это «исследование объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений и конструируемых объектов для определения, либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и прогнозирования»[90]. Основными принципами социального моделирования, как формулирует Л. Я. Аверьянов, являются: 1) установление цели модели; 2) выделение ограниченного количества факторов, но основных, которые осуществляют принципиальные изменения в данной системе; 3) установление характера взаимосвязи между выделенными факторами; 4) установление принципа множественности связей между факторами и выделение ведущих и основных связей, которые и определяют характер развития и изменения данной системы[91].

Необходимость применения метода теоретического моделирования диктуется, во-первых, сложившейся научной традицией исследования социального действия (веберовская теория идеальных типов); во-вторых, используемой методологией системного анализа, которая предполагает описание того, как «ведет» себя исследуемый объект, что, по сути, и является теоретическим моделированием; в-третьих, исследование такой предметной области, как социальное действие российского государственного служащего, требует ответа на вопрос, в чем суть этого действия и что влияет на него. Поэтому целью работы является разработка концепции, объясняющей функционирование социальных регуляторов, влияющих на действия чиновников. Такая концепция по своему характеру также является теоретической моделью, имеющей прикладное (управленческое) значение.

Специфика цели задает и характер модели исследования. Познание регуляторов, их явных и латентных функций, есть изучение сути, а не структуры объекта и его составляющих, т. е. субстанции, а не субстрата. Соответственно, необходимо использовать в данной работе субстанциальную модель исследования. Дадим обоснование этому положению.

Конкретные формы социальной регуляции, опредмеченные в определенных социальных структурах, институтах и т. п., достаточно изменчивы. Изучая структуры, влияющие на социальное действие, Т. Парсонс разработал субстратную модель социального действия[92]. Данный подход интересен и дает свои результаты, но из такого структурного подхода (или разработки субстратной модели) следует, что в XX в. на севере Евразии, сменяя друг друга, существовали три несхожие друг с другом общества – Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация, различные настолько, что они не похожи по функциям, их содержательному характеру и их структурной композиции. Уже в 60-е гг. XX в. структуралистский подход подвергся критике. По мнению Ч. Миллза, главный недостаток субстратной модели в том, что она не может объяснить социальных изменений[93]. В этом заключается познавательный парадокс – исследование основ социального феномена лишает ученого возможности объяснять его изменения. Поэтому, для того чтобы описать специфику россий-

---

[90] Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – С. 291.

[91] См.: *Аверьянов Л.Я.* Социология: что она знает и может. – М., 1993. – С. 130.

[92] По мнению Т. Парсонса, каждой социальной функции соответствует определенная структура: адаптации – экономика, целеполаганию – политика, интеграции – институты социализации, латентности – культура (см.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М., 1997. – С. 20–25).

[93] См.: *Монсон П.* Современная западная социология. – М., 1992. – С. 44.

ского социального действия, необходим несколько иной взгляд на понимание социальных основ. Подход Т. Парсонса (а также О. Конта, Э. Дюркгейма) сосредоточен на описании субстрата системы с точки зрения ее структуры и функций. Чтобы понять социум в его исторической динамике, одного субстратного (структурно-функционального) подхода оказывается недостаточно. Дело в том, что историческая изменчивость приводит к утрате тех или иных социальных структур, изменению элементов социума. Но при этом сохраняется нечто единое, общее, неизменное, с одной стороны, не допускающее полной деградации социума при самых драматичных коллизиях и при этом, с другой стороны, сохраняющее «неповторимый лик» культуры в периоды расцвета. Поэтому для осмысления динамичного социума необходим субстанциальный подход, который предполагает не описание содержания объекта, его структуры, а характеристику его основ (генетическую и функциональную), социальных регуляторов как относительно неизменных связей и отношений. Именно поэтому структура социума как ее субстрат остается за рамками данной работы. Исследование направлено на другую сторону познаваемого объекта – его субстанциальную основу, раскрывающуюся в связях и отношениях, которые приобретают характер «неделимых» и «неуничтожимых» составляющих, обеспечивающих устойчивость и относительную неизменность общества.

В этой связи система социального действия понимается как определенное поле социальных координат, задающее индивиду сферу его действия (функционирования, развития, взаимодействия, мотивации, социальной ориентации и т. п.). Данное поле социальных координат складывается как объективный результат функционирования социума. Сложившись, эти координаты закрепляются в особенностях, стереотипах поведения и мышления отдельных индивидов.

С точки зрения системного подхода социальное действие возникает спонтанно. Первоначально в результате взаимодействия отдельных индивидов в процессе однотипной хозяйственной деятельности формируется алгоритм совместного действия, настраивающий индивидов действовать однотипно, это первый регулятор социального действия, который именуется в данной работе поведенческим. Это весьма изменчивый, «мягкий» регулятор, поэтому он, генетически обусловливая другие, сам нуждается в функциональной «жесткости», которая создается функционированием других регуляторов.

Устойчивость социального действия достигается в том случае, когда возникают жесткие регуляторы активности. Одним из таких жестких регуляторов является структура взаимодействия индивидов, или организационный регулятор. Его возникновение обусловлено тем, что взаимодействующим индивидам свойственно создавать организацию для сознательной координации общих целей[94]. Структура взаимодействия индивидов, или социальная структура, как ее определяет С. С. Фролов, – это «внутренняя упорядоченная совокупность взаимосвязанных статусов и ролей в организации, ориентированных на достижение общих целей»[95], занимаемых индивидами в отношениях друг с другом. Сложившись под влиянием поведенческого регулятора, такая структура выступает как регулятор социального действия, настраивая индивидов занимать позиции, соответствующие ей, и реализовывать типичный для них способ действия. Тем самым эта структура поддерживает обусловивший ее поведенческий регулятор. Поэтому два индивида, оказавшись вне пределов своего социума, при взаимодействии друг с другом обычно воспроизводят модель отношений, типичную для своего социума. Именно в этом проявляется способность структуры взаимодействия к самовоспроизводству, что дает основание рассматривать ее как жесткий регулятор. Таких структур взаимодействия существует по меньшей мере две – иерархическая и плюралистическая[96].

---

[94] См.: *РомашовО.В.* Социология труда. – М., 1999. – С. 95.

[95] *Фролов С.С.* Указ. соч. – С. 377.

[96] *Фролов С.С.* Указ. соч. – С. 84–87.

Их отличие в том, что иерархическая форма предполагает дифференциацию индивидов, а плюралистическая – их уравнение; иерархия предполагает единый центр системы, плюрализм – многоцентрие.

Специфика иерархических и плюралистических структур предполагает и отличие их элементов. Иерархически организованное социальное взаимодействие не имеет равносложных составляющих элементов. Достаточно сложным в нем является только управляющий центр. Иерархия развивается не через усложнение элементов, а через усложнение центра. Главная особенность ее элементов – способность изменяться адекватно требованию управляющего центра, быть обучаемыми. Следовательно, они должны быть предельно открыты для приема управляющей информации, идущей из центра. Напротив, регулятивное требование к элементам, взаимодействующим плюралистически, – поддержание равенства.

Создание структуры взаимодействия требует выработки механизма превращения действий людей в социальные. Возможны два варианта таких механизмов: первый – фильтрует существующие действия, второй – преобразует, изменяет действия. Для второго варианта необходима технология форматирования действий согласно требованиям системы, т. е. необходимо социальное нормирование. «Социальное нормирование – это процесс выработки устойчивых стандартов и правил, с помощью которых регулируются (упорядочиваются) действия отдельных индивидов. Посредством социального нормирования подготавливается система регламентированных требований, которые предъявляются в конкретный период к условиям и процессам жизнедеятельности людей»[97].

В обществе функцию форматирования элементов (социального нормирования) выполняет воспитание или, более глобально, механизм социализации индивидов. Этот механизм тоже действует как жесткий регулятор социального действия и именуется в данном исследовании этическим. Индивиды, действия которых идеально отформатированы, при взаимодействии вновь и вновь будут воссоздавать заданные (этим форматированием) отношения.

В задачу форматирования входит построение такого образа мышления индивидов, которое будет определять их ожидаемое поведение. Такой строй мышления индивидов должен иметь общие характеристики, критерии оценки действительности, типичные ограничения и т. п. Таковыми являются нормы и ценности, регулирующие поведение индивидов. У каждого индивида этот комплекс норм и ценностей может носить уникальный характер, но индивиды не могли бы контактировать друг с другом, если бы принцип построения этого комплекса не был универсальным. Следовательно, особой характеристикой функционирования этического регулятора является то, что индивиду через нормы задаются параметры действия, а через ценности – область его возможных достижений. Таким способом потребности человека вписаны в нормативно-ценностный (или этический) «коридор», что и обеспечивает согласование целей индивида и социума.

Форматирование элементов системы социального действия осуществляется через социальные институты (церковь, образовательные учреждения и др.). Таким образом, форматирование само приобретает характер системы с ее субстратными и субстанциальными характеристиками. В этой связи для того, чтобы не возникало терминологического разночтения, вместо понятия «система» используем синоним «строй». Поэтому систему форматирования назовем «этическим строем общества», или этическим регулятором. Этический строй предполагает структурирование действий индивидов таким образом, чтобы эти действия приобрели «организационный» характер. Этический строй задает индивиду порог удовлетворения своих потребностей или форму мотивации.

В целом система социального действия характеризуется функционированием трех регуляторов (трех основ):

---

[97] *Граждан В.Д.* Функции социального управления // Социальное управление. – М., 2000. – С. 120.

1) поведенческий регулятор. В процессе взаимодействия индивидов складывается определенный алгоритм действий, типичное поведение. Закрепившись, сложившись как стереотип поведения в групповом взаимодействии, этот типичный образ действий настраивает всех индивидов действовать в соответствии с ним;

2) организационный регулятор, или структура взаимодействия индивидов. Типичное поведение в результате действий отдельных индивидов может быть «размыто» и утратить качество социального регулятора. Поэтому для поддержания поведенческого регулятора в процессе человеческого взаимодействия возникает структура их самоорганизации. Известны две формы структуры взаимодействия индивидов – иерархия и плюрализм. Структура самоорганизации, во-первых, соответствует типичному поведению, во-вторых, поддерживает его, в-третьих, является предпосылкой формы социального управления;

3) этический регулятор, или этический строй, который обеспечивает функцию форматирования элементов и тем самым обусловливает функционирование двух других регуляторов (поведенческого и организационного).

Рассмотренные регуляторы социального действия являются нижним порогом, минимально необходимым для существования и самосохранения социального действия. При повреждении одного из них два других компенсируют недостаток, а в дальнейшем восстанавливают «повреждение». В этом смысле данные регуляторы обусловливают друг друга (рис. 3). Кроме того, их влияние обнаруживается не только на уровне целостности, но и на атомарном уровне, т. е. на уровне элементов. Другими словами, сложившийся алгоритм поведения характерен для индивида и социума в целом. За счет этого обеспечивается «неуничтожимость» системы социального действия, т. е. социальное действие будет восстановлено, даже если социум перестанет существовать как целостность. Некоторое количество индивидов могут воспроизвести социум. Общий внешний вид восстановленного общества будет иметь мало общего с предшествующим. Например, Франция эпохи Реставрации отличалась от эпохи Наполеона, революции и эпохи дореволюционной монархии, а современная Россия отличается от СССР и монархической России. Однако основы социального действия (которые именуются в данной работе регуляторами социального действия) сохраняются. Таким образом, отмеченные регуляторы социального действия – это предельный порог равновесия и упорядочения, предохраняющие общество от необратимых изменений и хаоса.

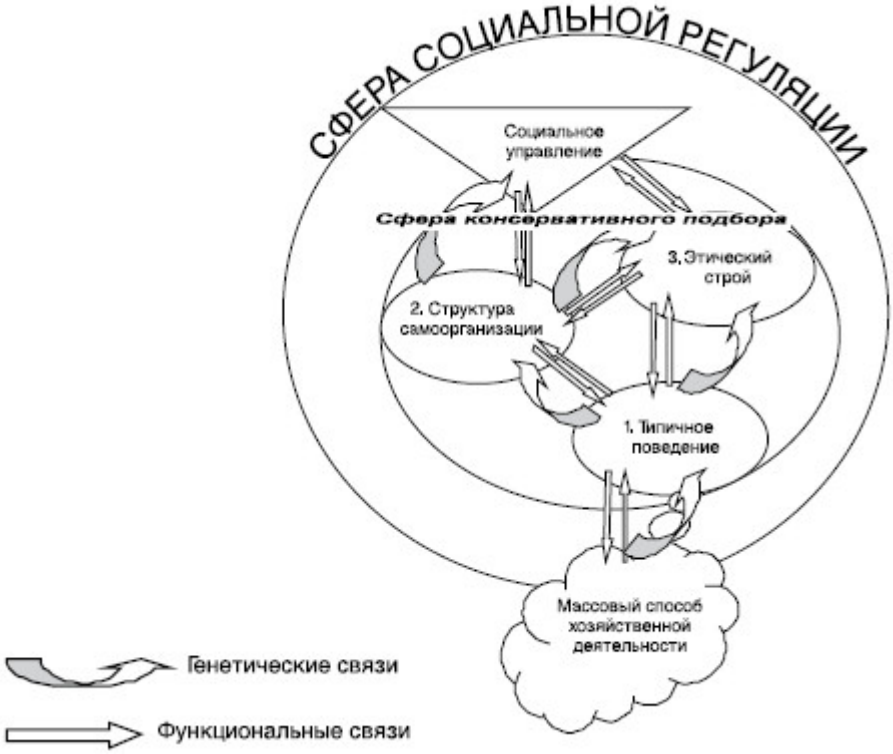

Рис. 3. Система взаимосвязи регуляторов социального действия

Рассмотренные регуляторы – характеристики устойчивости системы социального действия. Однако социальное действие – это диссипативная система, которая достигает равновесия со средой через противоположное – неравновесное существование системы, что в 60-е гг. XX в. обосновал И. Р. Пригожин. «Специфика диссипативной системы состоит в том, что ее существование поддерживается постоянным обменом со средой веществом или энергией, или тем и другим одновременно. При прекращении такого обмена диссипативная структура разрушается и исчезает. Этим она существенно отличается от обычных «равновесных» систем. Самая важная особенность диссипативной системы состоит в том, что она сочетает порядок с хаосом»[98].

Синхронное (актуальное) существование системы зависит от основ (долговременных параметров порядка, регуляторов), которые обеспечивают упорядоченность системы (степень нэгэнтропии). Диахронное существование (развитие, динамика, длительность существования системы) обусловлено наличием (запасом) энергии и порогом максимальной активности (поэтому соотносимо с хаосом). Максимальный всплеск энергии всегда кратковременен. При этом он есть нарушение сложившегося способа действия, нарушение «порядка», поэтому «вспышка» есть одновременно и максимальная активность, и максимальная энтропия. Обычная (непороговая) активность, упорядоченное движение, находится «между» максимальной активностью и отсутствием энергии. Энтропия в таком случае – перетекание энергии в вещество. Бытие, существование, и в этом же смысле нэгэнтропия, есть борьба как с абсолютной активностью, так и с чистой вещественностью, или поддержание баланса между энергией и веществом, что есть оформление, упорядочение бытия.

[98] *Бранский В.П.* Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 113.

Неравновесность – одно из важнейших качеств социальных систем, обоснованное в современной теории самоорганизации[99]. Социумам свойственны спонтанные всплески энергии, «незапрограммированный» рост активности. Такие всплески «дезорганизационных действий» нарушают сложившиеся системные требования и могут привести к уничтожению самой системы действия. Всплеск не носит направленный характер, спонтанен, не оформлен. Однако в реальной социальной практике такой спонтанный всплеск приобретает определенную форму (точно так же приобретает форму направленного потока кипящая лава вулкана). Форма для спонтанной энергии задается самой системой социального действия, но не позитивно, а негативно: «Если нельзя, то можно»[100]. «Кипящая лава» сметает самые неустойчивые системные требования. Поэтому система вынуждена осуществить «перестройку» требований, адаптируясь к новому возможному всплеску энергии.

Сам по себе всплеск активности – одновременно и нарушение сложившихся требований, и создание новых. Всплеск – свободная игра общественных сил. На это указывает А. Тойнби: «Что отличает творческое меньшинство и привлекает к нему симпатии всего остального населения, – свободная игра творческих сил»[101]. Эта свободная игра сил проявляется в разрушении и созидании. Спонтанный всплеск заканчивается, когда складываются «устойчивые конструкции». Как отмечает В. Л. Романов, «главное отличие между воспроизводством и креативным обновлением заключается в том, что первое поддерживает жизнеспособность, а второе создает новые формы и содержание жизни»[102].

В действии «свободной игры творческих сил» проявляется нарушение главного системного требования – самосохранения. Б. В. Лытов пишет: «Наша действительность как бы подтвердила идею Богданова о подобии общества неразумному животному, которому время от времени необходима бессмысленная растрата сил»[103]. Драматичные всплески энергии зачастую приводят общества к кризисам или коллапсу[104]. «Свободная игра творческих сил» для обществ – атрибутивное качество, нарушающее самосохранение, обеспеченное сложившейся системой социального действия. Вместе с тем всплеск социальной активности открывает возможность для самообучения, запуская механизм саморефлексии, в результате чего общество формирует в самом себе дополнительный запас прочности. Таким образом, спонтанный выплеск энергии, нарушая сложившийся способ самосохранения, придает социуму определенную пластичность и динамичность. Всплеск энергии – свободная игра творческих сил, – еще одна характеристика социального действия.

Игра – неотъемлемое качество любой культуры: «человеческая культура возникает и развертывается в игре, как игра»[105], – утверждал Й. Хейзинга. По его мнению, игра – определенная характеристика человеческого действия, отличного от обыденной жизни. Игра

---

[99] Идея неравновесности, сформулированная в 60—70-е гг. нобелевским лауреатом И.Р. Пригожиным, оказалась применимой в открытых системах различной природы – химической (периодические реакции, ведущие центры, спирали), биологической (биологические часы), физической (диссипативные структуры в твердых телах), экономической (колебания курса на бирже) и т. д. Оригинальное развитие этой идеи применительно к социальным системам дал П. Штомпка (см.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М., 1996). В российской социальной философии и социологии развитию идеи неравновесности социальных систем посвящено значительное количество работ (см. ссылки на с. 48–49).

[100] Не случайно все революции связаны с отменой сложившихся правил и норм, начиная с отмены, к примеру, мер длины и веса до отмены моральных запретов.

[101] *Toynbee A. J.* A Study of History. – London, 1934–1961. – Vol. 1. – P. 306.

[102] *Романов В.Л.* Креативные аспекты социального управления // Синергетика и социальное управление. – М., 1998. – С. 14.

[103] *Лытов Б.В.* Проблемы общественного идеала в тектологии А.А. Богданова и современность // Истоки российского менеджмента. – М., 1998. – С. 36.

[104] См.: *Tainter J.A.* The Collapse of Complex Societies. – Cambridge, 1988. – P. 250.

[105] *Хейзинга Й. Homo ludens.* В тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 7.

необыденна. Игра есть нарушение сложившегося хода вещей, она есть выход за пределы обычного, за пределы самосохранения.

Особенность игры проявляется именно в творчестве игровых правил, в постоянном их обновлении. Вместе с тем, если игра утрачивает способность к «нормотворчеству», она превращается в ритуал – игру, лишенную своей основы – энергии. Как отмечает Й. Хейзинга, игра характеризуется напряжением. Последнее качество игры открывает довольно парадоксальное качество действия живых существ, прежде всего социальных существ – людей: люди стремятся к неустойчивости. И еще одна функция игры для индивида и социума – поддержание этого стремления.

Характеризуя систему социального действия как диссипативную систему, отметим – порог устойчивости, консервации обеспечивают основные социальные регуляторы, а неустойчивость, инновация реализуются в спонтанном действии, социальной игре.

Контрольные вопросы

1. Каков характер регуляции социальных действий?
2. Структура взаимодействия как регулятор социальных действий.
3. Каковы виды социальных регуляторов?
4. Как действует организационный регулятор?
5. Как действует поведенческий регулятор?
6. Как действует этический регулятор?

Раздел 2
Организационный регулятор

Приступая к анализу регуляторов социального действия, сформулируем исходное определение ключевого понятия работы. Как уже отмечалось, *система социального действия* – это поле социальных координат, задающее индивиду сферу его действия.

В данном разделе анализируется организационная структура как регулятор социальных действий, как регулятор организационного взаимодействия. Поэтому в качестве проблемы рассматривается структура социального взаимодействия российских государственных служащих. Исходной посылкой является положение о том, что, включаясь во взаимодействие и ориентируясь на поведение друг друга, индивиды выстраивают определенную структуру общности (или организационную структуру). Российские индивиды, вступая во взаимодействие, настроены на то, чтобы создать иерархическую структуру общности (это один из признаков, характеризующих специфику российского социума). В этом и проявляется функционирование организационного регулятора социального действия. Влияние организационного регулятора распространяется как на первичные общности, так и на государство и социум в целом. Там, где обнаруживается взаимодействие индивидов, возникает заданная этим регулятором структура организации. Важным и специфическим субстратом государства и сообществом взаимодействующих индивидов является корпус государственной службы. Структура организации российской государственной службы (как сообщества взаимодействующих индивидов), несмотря на изменение общественного устройства в разные исторические периоды, всегда имела одну и ту же организационную форму.

Исследование проблемы специфики взаимодействия индивидов в российском обществе, организационных оснований российской государственности и в целом российского общества имеет давнюю историю и получило в общественной мысли название «русский вопрос». В рамках обсуждения данной проблемы сложилось несколько различных подходов, которые содержат достаточно богатый материал, способный составить аргументацию к обоснованию задач данной главы.

Тема 4
«Русский вопрос» в истории общественной мысли России

В свое время Н. А. Бердяев отмечал: «Русские историки объясняют деспотический характер русского государства этой необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины»[106]. Деспотизм в данном случае может рассматриваться как проявление одной из особенностей структурной организации государства. Организационная структура, или форма самоорганизации российских индивидов во взаимодействии, и адекватность этой формы организации государственных служащих – проблема, напрямую связанная с особенностями российской государственной власти, российского общества, «русского пути».

Понятия «русский путь» и «русский вопрос» впервые зазвучали в середине XIX в. в дискуссиях славянофилов и западников. Появление славянофильского направления общественной мысли было связано с откликом на «Философические письма» П. Я. Чаадаева[107], в которых он обратил внимание на «отлученность» России от мирового общественного процесса, ее закрытость и непринятие культурных ценностей европейского мира, опередившего ее в своем развитии. Откликом на эти письма явилось возникновение славянофильского идейного подхода, согласно которому Россия движется по своему особому историческому пути.

По мнению славянофилов, этот путь не похож ни на путь европейских, ни каких-либо других народов (за исключением славян, которым предопределен такой же путь). Он обусловлен самобытностью России, что проявилось в отсутствии социальных противоречий и классовой борьбы, русской поземельной общине (как особой структуре взаимодействия индивидов), православии как единственно истинной вере. Большую роль в выработке таких взглядов вместе со своими единомышленниками сыграли И. В. Киреевский[108], А. С. Хомяков[109] и др. Славянофилы выступали против принятия политических форм западноевропейских обществ (отражавших плюралистические тенденции), однако приветствовали их техническое и экономическое развитие (т. е. то, что не влияет на структуру отношений индивидов и общества). В социально-философском плане западному критическому рационализму противопоставлялась «волевая целостность», построенная на «истинной вере» православной церкви. Поэтому русскому народу предназначалась особая миссия: дать миру справедливые экономические и социальные формы, вытекающие из особенностей построения русской общины. В целом славянофилы зафиксировали, что структура взаимодействия индивидов, структура всего общества и государства организована иерархически. Кроме этого, они обратили внимание на некоторые черты, свойственные русскому народу, которые в той или иной мере связаны с ориентацией на иерархическую структуру социального взаимодействия.

Славянофилам, как известно, противостояли западники – в частности А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев и др. Источником полемики[110] двух идейных течений были петровские реформы и их оценка. Славянофилам было свойственно идеализировать допетровскую эпоху. Западники, напротив, видели в реформах Петра I решительный

---

[106] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 8.

[107] См.: *Чаадаев П.Я.* Сочинения. – М., 1989.

[108] См.: *Киреевский Н.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник. – 1852. – Т. I.

[109] См.: *ХомяковА.С.* О старом и новом. Статьи и очерки. – М., 1988.

[110] См.: *Огарев Н.П.* Избранное. – М., 1984; *Грановский Т.Н.* Соч. – М., 1900.

шаг в усвоении достижений западной Европы. Они полагали, что успех России зависит от ее активности в принятии передовых достижений. В качестве таковых представлялись институты буржуазного общества и социалистические идеи. В целом социально-исторический подход западников сводился к мысли, что целью развития общества является социализм (в понимании мыслителей XIX в.), а достичь его можно, проводя буржуазные преобразования и вводя социальные институты, аналогичные европейским. Поэтому должно быть изменено, преобразовано все, что мешает усвоению передовых идей и технологий Запада. Накал дискуссии и непримиримость сторон обусловливались актуальной проблемой того времени – проблемой крепостничества. Это отмечал А. И. Герцен: «весь русский вопрос… заключается в вопросе о крепостном праве»[111]. В целом названные течения определили мыслительные парадигмы решения «русского вопроса»; зафиксируем их основные характеристики.

Славянофильство:

• Россия самобытна, ее исторический путь не имеет аналогов, влияние Запада на Россию разрушительно. Это положение обусловливает установку на культурную закрытость, изоляционизм;

• России принадлежит особая роль и миссия в создании справедливого социального строя. Отсюда идея мессианства;

• неповторимость и своеобразие России – в русской крестьянской общине, в особенности ее социальной организации, которая должна стать прообразом справедливого социального устройства государства, российского общества и всего мира.

Западники:

• Россия должна стать открытой Западу, активно принимать достижения западных государств, использовать передовой зарубежный опыт;

• в России необходимо создать социальные институты (прежде всего политические) по западному образцу;

• для совершенствования и прогресса необходимо отказаться от традиционных форм социальной самоорганизации, прежде всего от крестьянской общины, которая тормозит развитие страны.

Острый пафос и сила дискуссии повлияли на появление в России социологических и культурологических концепций. Во второй половине XIX в. вышла в свет работа В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России»[112], в которой автор обобщил статистический материал, касающийся положения трудящихся классов России, условий их труда, быта, образа и уровня жизни. Поземельная община им рассматривалась как «социальная организация народа», противостоящая негативному влиянию бюрократии и капитализма.

В то же время публикуется работа «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского[113], которому принадлежит заслуга в создании теории исторического круговорота, культурно-исторических типов (как альтернатива теории европоцентристского прогресса). Эта теория предвосхитила концепцию О. Шпенглера. На основании идеи круговорота была обоснована историческая самобытность России (и других обществ). Великие цивилизации развивали преимущественно одну из сфер деятельности (религиозную, культурную, политическую, социально-экономическую), оставляя другим народам свой социальный опыт. Историческая роль России – развить все эти сферы деятельности, а предпосылкой этому является особая организация российской общины.

---

[111] *Герцен А.М.* Собр. соч. Т. 12. – М., 1957. – С. 35.

[112] См.: *Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России. – СПб., 1896.

[113] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М., 1991.

Концепция культурно-исторических типов оказала влияние на философские взгляды К. Н. Леонтьева[114], который полагал, что влияние запада как влияние либерально-буржуазного образа жизни способствует разрушению русского общества. Предохраняют же российское общество твердая монархия, сословный принцип стратификации общества, строгая церковность и сохранение крестьянской общины. В целом именно В. В. Берви-Флеровский, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев концептуально оформили славянофильскую парадигму.

После отмены крепостного права острота дискуссии по «русскому вопросу» заметно снизилась. С новой силой идейная борьба о путях развития России разгорелась в начале XX в. под влиянием революций. Источником острой идейной дискуссии стал вопрос о земле (в дискуссиях постоянно поднимался и вопрос о самодержавии). Постепенно приобрели очертания два подхода – «либеральный» и «социалистический». Названные идейные направления начала XX в. по терминологии, комплексу взглядов, в том числе и взглядов на политическое устройство, имели мало общего с западниками и славянофилами XIX в. Однако либералы ориентировались на реформирование России, создание политических и экономических институтов, аналогичных западным, а социалисты – на построение нового прогрессивного строя, отказываясь от принятия (или ограниченного принятия) западных социальных и политических институтов. Прообразом такого нового строя опять же была русская земледельческая община.

В идеологии либералов в измененном виде воплотился подход западников. При этом был утрачен радикализм, однако сохранен принцип принятия ценностей других культур. Социалисты отличались готовностью к радикальным социальным преобразованиям, желанием реализовать миссию русского народа в создании наилучшего социального устройства. Их решимость и готовность к практическому действию, радикальным социальным переменам ничего общего не имела со славянофилами, которые по сравнению с ними выглядели консервативными теоретиками. Однако основной принцип – мессианство русского народа – был общими и для социалистов, и для славянофилов.

В дальнейшем после длительного идейного брожения и под влиянием социальных катаклизмов из социалистического подхода выкристаллизуется коммунистическая идеология, идейным источником которого стал марксизм. Однако, как убедительно доказал Н. Я. Бердяев, российское коммунистическое мировоззрение было соотносимо с принципами славянофильства[115].

Либеральное направление русской общественной мысли после Гражданской войны к началу 20-х гг. было разгромлено, а некоторые представители данного направления, пережившие Гражданскую войну, оказались в эмиграции. Можно было предположить, что по этой причине либерализм впоследствии либо примет форму негативной оппозиции коммунизму (антикоммунизм), либо представители этого направления утратят интерес к «русскому вопросу» и займутся исследованием проблем, актуальных для Запада. Однако и в среде эмиграции наряду с либеральным западничеством в 20-е гг. возникла новая трансформация славянофильства – евразийство[116]. Это связано с тем, что социалистическая идеология не была принята эмиграцией и основной славянофильский принцип приобрел новое звучание.

Наиболее видными представителями евразийства были Н. Трубецкой, М. Шахматов, В. Ильин. Евразийцы полагали, что российская культура в своих истоках определена не только влиянием Византии (как утверждали, например, Н. Киреевский, А. Хомяков), но и

---

[114] См.: *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 6. – М., 1912.

[115] См.: *Бердяев Н.Я.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.

[116] См.: *Исаев И.* Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 42–55.

влиянием «дикого поля». Они соотносили Российское государство с империей Чингиз-хана. По их мнению, российская культура самодостаточна и не нуждается в принятии ценностей западной культуры. Вместе с тем особая организация России позволяет концентрировать энергию общества, а способом реализации этой энергии является осуществление миссии – организация Вселенной.

В самой России (Советском Союзе) основные принципы славянофильства проявились в полной мере и в идеологии российского коммунизма, и на практике. Согласно этим принципам общество организовано как большая община во главе с патриархом (генеральным секретарем), миссия этого общества – привнесение справедливого миропорядка другим. Поэтому на протяжении эпохи советской власти вопрос о путях социально-политического развития России не дискутировался. Этот вопрос решался практически: строился «коммунизм», а общественная мысль либо идеологически обосновывала необходимость такого «пути», критикуя инакомыслие (советская литература), либо, напротив, критиковала «советский строй» (самиздат и эмигрантская литература). Только в 80-е гг. были опубликованы работы ряда авторов[117], вновь поднимающие «русский вопрос», который опять становится актуальным.

В целом в истории общественной мысли России при решении «русского вопроса» сформировались две парадигмы – славянофильская и западническая. Первая характеризует научные подходы, обосновывающие изоляционизм и акцентирующие внимание на преимуществах консервативного подбора; вторая объединяет научные подходы, ориентированные на внедрение инноваций и признает в первую очередь преимущества прогрессивного подбора. В целом последователи и славянофилов, и западников фиксировали внимание на иерархической организации, свойственной и индивидам, и государству, и обществу, но относились к этому по-разному. Одни видели в традиционной иерархии (крестьянской общине, самодержавии) единственно возможный способ организации россиян, который не должен подвергаться изменениям; другие (западники) считали иерархию случайным феноменом, который необходимо изменить.

[117] См.: *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен: опыт публицистики. – М., 1987; *Чивилихин В.А.* Память. – М., 1982.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.